

Глава третья

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМА РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА 70-х ГОДОВ

I

В комплексе вопросов, относящихся к теме «В. И. Ленин и русская общественно-политическая мысль», исключительно важное место, естественно, принадлежит проблеме отношения Ленина к русскому народничеству. Эта проблема занимала мысль В. И. Ленина от самых первых его шагов на поприще теоретической и практической деятельности и на протяжении целых десятилетий, будучи самым тесным образом связана с его борьбой за утверждение и развитие идей научного, пролетарского социализма, за установление правильных, революционно-марксистских взглядов на крестьянский вопрос, за прочный революционный союз между рабочим классом и крестьянством.

В предшествующих разделах уже затрагивались попутно отдельные стороны темы «Ленин и русское народничество». Необходимо теперь специально остановиться на освещении и оценке Лениным освободительного движения и революционной мысли периода 70-х—начала 80-х годов — периода расцвета революционного народничества в специфическом, особом смысле слова.

Прежде всего следует оговорить несколько условное (подобно понятию «шестидесятые годы») содержание термина «семидесятые годы». 70-е годы начались не в календарном 1871 или 1870 г., а раньше несколькими годами и закончились после 1879—1880 гг., примерно в первые годы следующего десятилетия, когда окончательно определилось крушение второго демократического подъема в России.

В экономическом и социальном плане это было время развития русского капитализма в промышленности и, в более слабой степени, в сельском хозяйстве, время расширения кадров пролетариата, растущего расслоения крестьянства, усиления роли буржуазии. Во внутренней политике это был период господства реакционного курса, окончательно утвердившегося после покушения Каракозова в 1866 г. и лишь в конце 70-х годов временно сменившегося некоторым «послаблением», вынужденными уступками или полууступками со стороны царского правительства, попавшего в полосу кризиса. В сфере внешней политики наиболее крупным событием явилась русско-турецкая война 1877—1878 гг., сыгравшая немалую роль в возникновении того кризиса самодержавия, о котором только что упомянуто. В культурной жизни, несмотря на господство реакционного курса в правительственной политике, продолжалось — вопреки всем трудностям — то поступательное движение естествознания, некоторые успехи в деле просвещения, ряд выдающихся явлений в литературе и разных областях искусства).

Общественное движение характеризуется продолжающимся — до конца 70-х годов — упадком активности либерально-оппозиционных кругов, с одной стороны, и постепенно нарастающим движением демократических элементов интеллигенции, довольно быстро переходившим от одного фазиса к другому и достигшим особой остроты в середине и второй половине десятилетия.

Симптоматичными для обозреваемого периода являются заметный рост рабочего движения, распространение в среде рабочих революционной пропаганды, первые опыты создания революционных рабочих организаций («Южнороссийский союз рабочих» и «Северный союз русских рабочих»). Крестьянское движение значительно (если брать период в целом) уступало крестьянской борьбе в эпоху падения крепостного права, но давало себя знать в течение всего периода, не раз привлекая к себе общественное внимание и вызывая (особенно в конце 70-х и на рубеже 70—80-х годов) беспокойство и тревогу в правящей среде.

70-е годы часто называли и называют «эпохой народничества», «золотым веком народничества».¹ Это верно и в том отношении, что в публицистике, в общественной мысли передовых кругов задавали тон идеи народничества, и в том также,

¹ См., например, книгу М. С. Ольмичского «Из прошлого» (изд. 2-е, ГИЗ, 1922, стр. 38—39).

что участники практической революционной борьбы, по крайней мере в своей подавляющей массе, руководствовались теми же идеями.

Это не значит ни того, что с концом 70-х годов прекратилось воздействие народнических идей на значительную часть общественного мнения, ни того, что до 70-х годов не существовало никакого народничества. Но после 70-х годов влияние народничества (постепенно меняющего в определенных отношениях свою форму) все более падает. С другой стороны, до 70-х годов, или преддверия к ним (второй половины—конца 60-х годов), народническая доктрина еще не отлилась в ту, более или менее законченную и относительно цельную, форму, какая сложилась в это время.

«Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы», — так писал В. И. Ленин в 1894 г.² Когда Ленин в 1903 г. писал о народничестве (мы это место выше уже приводили) как о «громадной полосе общественной мысли» в России — от Герцена до Николай — она, когда он соглашался с мнением о Герцене и Чернышевском как о «родоначальниках» народничества, он, несомненно, имел в виду народничество, «крестьянский социализм» в таком «самом широком» значении слова. В этом же смысле В. И. Ленин в 1911 г. заявлял о том, что народники «проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, иной, т. е. некапиталистический, путь для России».³ В статье «От какого наследства мы отказываемся?», во второй половине 90-х годов, В. И. Ленин указывал, что «не только в 60-х годах, но и в 40-х и даже еще раньше», конечно, были «зародыши», «зачатки» народничества.⁴ Едва ли мы ошибемся, если решимся в той или иной степени приравнять эти зачатки к истокам народничества в самом широком смысле понятия.

² В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 310.

³ В. И. Ленин. По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 168. «История вполне опровергла эту их ошибку», — добавляет там же Ленин. Об «ошибках» народников Ленин писал множество раз, это стоит отметить потому, что среди отдельных советских историков ныне существует мнение, будто нельзя говорить об «ошибках», «непонимании» и т. п. народников, поскольку они были обусловлены историческими обстоятельствами.

⁴ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 530.

Но В. И. Ленин пользовался термином «народничество» — термином, который в целом в русской публицистической литературе (беря разные ее направления) вообще получал самые различные толкования, — в нескольких более узких, более тесных смыслах. И тут-то нельзя не заметить, что для определения старого, «классического» революционного народничества В. И. Ленин преимущественно обращался к опыту идеологии и движения 70-х годов. Достаточно сослаться на статью В. И. Ленина «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», опубликованную в центральном органе большевиков «Пролетарий» в разгар первой русской революции. Бесспорно, именно о революционном народничестве 70-х годов писал Ленин в следующих строках: «Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением. Отрицалось господство капитализма в России; отрицалась роль фабрично-заводских рабочих, как передовых борцов всего пролетариата; отрицалось значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовался сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством».⁵

Приведенные четыре пункта, характеризующие в основном именно взгляды революционеров «золотого века» народничества, не отменяют по существу тех «трех черт» народнической «системы воззрений», которые были сформулированы за восемь лет до того в работе В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?». Эти «три черты» сводились Лениным к следующему: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом... 2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности... Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация „устоев“... 3) Игнорирование связи „интеллигенции“ и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов».⁶ Этим взглядам В. И. Ленин в первых же абзацах своего труда противопоставлял позицию русских марксистов, отстаивавших мнение о «прогрессивности русского капитализма», считавших вздорной «народническую идеализацию мелкого производителя», доказывавших «необходимость искать объяснения течением общественной мысли и юридико-полити-

⁵ В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 40.

⁶ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 528—529.

ческим учреждениям в материальных интересах различных классов русского общества».⁷

В нашей литературе, правда, высказывается и мнение, что «три черты», определяющие, по Ленину, систему народнических взглядов, не имели в виду революционных народников, а касались только народников либеральных, что и вообще во всей статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин сопоставлял с просветительством 60-х годов только народничество 80—90-х годов — либеральных народников этого времени — и совершенно обходил вопрос о революционном народничестве. Но согласиться с подобной точкой зрения нет основания. Разумеется, поскольку поводом для полемики В. И. Ленина послужили выступления представителей различных оттенков легальной народнической мысли конца века, это не могло не наложить своего отпечатка на содержание ленинской статьи и на некоторые подробности в конкретном раскрытии «трех черт». Когда В. И. Ленин говорит о признании народниками капитализма «упадком, регрессом», он возвращается в этих именно словах к полемике с Николай—оном, которую он вел в «Новом слове» в работе «К характеристике экономического романтизма».⁸ Указывая на стремления народников «прекратить ломку» капитализмом «вековых устоев», он почти буквально цитирует тоже Николай—она.⁹ В связи с отсутствием у народников материалистического объяснения таких социальных факторов, как «интеллигенция» и «юридико-политические учреждения страны» (т. е. государство и его институты), Ленин прямо ссылаясь на выражения В. П. Воронцова, С. Н. Южакова, того же Николай—она. Можно было бы привести из ленинской работы другие места, где автор непосредственно подвергал критике отдельные ли писания или общую направленность идей либеральных народников 90-х годов. Но нельзя забывать о том, что в социально-экономических концепциях и либеральных, и революционных народников было немало общего; и если взять основы тех социально-экономических понятий, которые выражены в «трех чертах», отвлекаясь

⁷ Там же, стр. 507—508.

⁸ В. И. Ленин. К характеристике экономического романтизма. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 211.

⁹ В «Очерках нашего пореформенного общественного хозяйства» (СПб., 1893, стр. 345—346) Николай—он призывал, «опираясь на материальные условия производства, унаследованные нами от нашего исторического прошлого, прекратить ломку нашей веками сложившейся формы производства, основанной на владении орудиями производства самими непосредственными производителями». Ленин определял эти призывы как «реакционные вопли» (От какого наследства мы отказываемся? стр. 528).

от тех либо иных частных, то невозможно не прийти к выводу, что в них — да и в ряде других положений ленинской статьи — критика направлена против некоторых коренных свойств народнической доктрины в целом. Признание капитализма «уклонением с пути», предписаного исторической жизнью нации, вера «в особые пути отечества», «идеализация крестьянина», иллюзии об «общинности», «общинных качествах»,¹⁰ отсутствие материалистического подхода к общественным явлениям и «социологического реализма» — все это было характерно вообще для народнической теории. Когда В. И. Ленин говорит о народничестве как целом течении общественной мысли, сыгравшем «крупную историческую роль»,¹¹ когда он говорит о постановке народничеством перед общественной мыслью вопроса о капитализме (хотя отнюдь не получившего в народничестве верного решения) как о крупной исторической заслуге для своего времени,¹² он, конечно, имеет в виду не либерально-народническое направление и уж во всяком случае не только его.

Как выше несколько раз отмечалось, вопрос о судьбах капитализма в России, о его значении, вера в возможность «иного» (сравнительно с западноевропейским), некапиталистического пути развития — это стояло в центре внимания народнической теории. На эту сторону дела обращал постоянно исключительно большое внимание В. И. Ленин.

В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин, говоря о значении теории Маркса, указывал: «Выработка новой методологической и политико-экономической теории означала такой гигантский про-

¹⁰ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 522, 526, 532, 539.

¹¹ Там же, стр. 545.

¹² Там же, стр. 531. Народничество — и революционное, и либеральное — отличалось значительной пестротой. У отдельных представителей народнического движения были свои отклики, свои уклоны от господствующих в направлении, как таковом, мнений. Поэтому не так трудно найти у того или другого народника своеобразные суждения, например, о государстве или даже об интеллигенции, о состоянии общины, об укладке «общинного» духа и т. д. и т. п. Но мы говорим о типичных явлениях, определяющих дух и характер всего течения.

Хотелось бы напомнить и о существующей в литературе версии, согласно которой в статье «От какого наследства мы отказываемся?» нашла известный отзвук устная дискуссия, имевшая место в 1897 г. в Красноярске между В. И. Лениным и одним из поздних народовольцев Ясевичем. См.: Марк Горбунов [Е. Е. Колосов]. Ленин в Красноярске. «Былое», № 25, 1924; Г. Тихомиров. Предисловие к публикации «Ленин в Красноярске». «Пролетарская революция», 1928, № 11 — 12 (82 — 83).

гресс общественной науки, такой колоссальный шаг вперед социализма, что для русских социалистов почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»;¹³ около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него репались самые важные программные положения».¹⁴

Хорошо известно, что имена Маркса и Энгельса пользовались среди народников-семидесятников большой популярностью и искренним уважением, что в их числе были люди, занимавшиеся с большим или меньшим рвением изучением произведений основоположников научного коммунизма и прежде всего

¹³ «Судьбы капитализма в России» — так называлась книга одного из главных идеологов либерального народничества (социально-экономические концепции которого, однако, в основе своей так или иначе восприняты были и большинством народников революционных) В. П. Воронцова, писавшего под псевдонимом «В. В.». Книга, вышедшая в 1882 г., состояла из статей, печатавшихся в течение нескольких лет до этого в разных журналах. Было бы тем не менее ошибкой (она допускается иногда в нашей литературе) считать, что только примерно ко времени появления работ Воронцова, вообще где-то около рубежа 70-х и 80-х годов, вопрос о капитализме приобрел в общественном мнении особое значение. Не говоря уже о высказываниях шестидесятников и их непосредственных предшественников, имевших разные оттенки, но в общем ставивших вопрос о капитализме в России еще с точки зрения возможных (или невозможных), желательных или нежелательных будущих перспектив (Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов и т. д.), деятели народнического поколения 70-х годов крайне «озабочены» были проблемой капитализма в России задолго до конца десятилетия. Достаточно привести пример известного выступления Н. К. Михайловского в «Отечественных записках» за апрель 1872 г. по поводу выхода русского перевода первого тома «Капитала» Маркса. Михайловский писал: «Пока благодаря крепостному праву и другим условиям наша промышленность не имела ровно никакого значения, естественно было желать главным образом ее развития. Но теперь это уже вопрос, постепенно отступающий на второй план, а на первый план выдвигается вопрос о формах, которые могут принять промышленные отношения у нас. Поднимать его раньше было бы рано, настаивать на нем позже будет уже, может быть, поздно. Итак, мы сражаемся не с ветряными мельницами, не с фантомами (т. е. капитализм не «фантом» и не «ветряные мельницы», — Ш. Л.). Мы делаем надлежащее дело в надлежащее время и в надлежащем месте... Мы не только не презираем Россию, но видим в ее прошедшем, а куда и еще в настоящем многое, за что можно ухватиться для предотвращения неправильностей европейской цивилизации» (Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб., 1913, стлб. 9). В следующем году Михайловский писал П. Л. Лаврову: «Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета, и падение их есть дело времени. Новые боги (капитализм, буржуазия, — Ш. Л.) гораздо опаснее и в этом смысле хуже» (там же, стлб. 65).

¹⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 275.

«Капитала» Маркса.¹⁵ Но марксистами они от этого не становились, хотя отдельные элементы марксистского учения нередко усваивались. Впоследствии В. И. Ленин указывал, что «в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма» (о большинстве семидесятников можно сказать, что они этого и не хотели). «Эти теории, — по словам Ленина, — софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и „по Марксу“ пытались опровергнуть приложение к России теории Маркса!».¹⁶

В статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин заявлял: «Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западноевропейская мысль (Ленин, разумеется, имел в виду учение Маркса и Энгельса, — *Ш. Л.*), не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского». Ленин отмечал, что, расшаркиваясь пред авторами этого анализа, перед Марксом и Энгельсом, народники продолжали оставаться «такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы».¹⁷

Вопреки народникам, рассматривавшим капитализм в России как регресс, отрицавшим для России его положительную историческую роль, желавшим «искать путей к коммунизму помимо капитализма и создаваемого им пролетариата»,¹⁸ В. И. Ленин писал о «творческой» (кавычки Ленина) исторической работе капитализма, «обобществляющего труд и создающего „социальную силу“, способную преобразовать общество, силу пролетариата».¹⁹ «И крепостничество и капитализм означают эксплуатацию труда, в этом смысле означают оба строя — „петлю и кабалу“. Но крепостничеству свойственны: вековой

¹⁵ В речи, посвященной памяти Г. Елисеева и Н. Шелгунова, прочитанной в июне 1891 г. в Париже, П. Л. Лавров говорил о том движении мысли, которое, между прочим, «создало в нашем отечестве переводчиков и читателей книги Маркса («Капитала», — *Ш. Л.*) гораздо раньше, чем где-нибудь вне Германии» (П. Л. Лавров. Последовательные поколения. В память Г. З. Елисеева и Н. В. Шелгунова. Издание кружка народолюбцев. Женева, 1892, стр. 36). В то же время Маркса порой превращали, говоря словами одного автора, в «главного философа» русского народничества.

¹⁶ В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 162—163.

¹⁷ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 533.

¹⁸ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 304.

¹⁹ В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 192.

застой, забитость и темнота трудящихся, низкая степень производительности труда. А капитализму свойственно очень быстрое экономическое и общественное развитие, громадное повышение производительности труда, разрушение забитости трудящихся и пробуждение в них способности к сплочению и к сознательной жизни.²⁰ Эти слова написаны Лениным много позже, в 1914 г., против тогдашних «народников» («Русское богатство») и «левонародников» (эсеры), но они хорошо резюмируют исконный взгляд Ленина, который он развивал в своей длительной идейной борьбе с народничеством начиная с 90-х годов.

В длинной серии трудов (ее в конце 90-х годов увенчивало гениальное исследование «Развитие капитализма в России») В. И. Ленин вскрыл бесспорность утверждений о «самобытности» развития России, об отсутствии в ней капитализма или о его «безнадёжности, безысходности»,²¹ о «случайности», «искусственном» характере русского капитализма, обязанного будто бы своим существованием и относительным ростом только «насаждению» сверху, покровительству правительства и т. п. «Неприятный» мелким производителям (и их идеологам) крупный капитализм, подчеркивал В. И. Ленин, «не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил».²²

Отношение народников к капитализму, как многократно указывал В. И. Ленин, было связано тесным образом с их представлениями об особенностях уклада деревни, с их отношением к сельской общине. Характеризуя в 1903 г. «ста-

²⁰ В. И. Ленин. О левонародниках. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 156.

²¹ «Так думают народники различных оттенков. Но этот взгляд в корне неверен, и жизнь давно опровергла его», — добавлял Ленин в статье «Сущность „аграрного вопроса в России“» (Полн. собр. соч., т. 21, стр. 306). Конечно, в «разношерстном» лагере народников встречались и те или иные колебания по вопросу о ходе экономического развития России и перспективах капитализма. Например, в журнале «Русское богатство» за 1884 г. можно прочесть утверждение, что «капитализм в России, хотя и медленно, но делает свое дело, и убаюкивать себя тем, что у нас нет для него „почвы“, представляется оптимизмом очень вредным» (анонимная рецензия — может быть, В. Бирюковича? — на книгу Ф. Ф. Эрпсмана «Санитарное исследование фабричных заведений Московского уезда» (ч. III, М., 1883) в «Русском богатстве» (1884, № 2, стр. 460)). Это заявление отнюдь не единичное. Но такие признания в общем и целом обычно уживались с основными народническими воззрениями на «судьбы капитализма в России».

²² В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 369.

рое русское, классическое, революционное народничество», В. И. Ленин говорил о его вере «в особый уклад крестьянского хозяйства», «в общину, как зародыш и базис социализма», «в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной революции, к которой готов уже народ». ²³ Конечно, многие народники 70-х годов видели трудности, переживаемые общиной, «непривлекательные» стороны «общинной» жизни. Эмигрантский орган, сам носивший даже символическое название «Община», писал в начале 1878 г.: «При современных экономических и общественных отношениях, при нашей податной системе, община превратилась в чисто административное учреждение, к которому вся государственная жизнь с своими затеями освобождения, и внутреннего и внешнего, ²⁴ является только в форме требований: „подавай людей, подавай деньги!“». ²⁵ Отмечала народническая литература и признаки разложения общины. Тем не менее «вера» в общину как в орудие, способное (если удастся с нею снять подавляющий ее извне гнет) избавить Россию от общеевропейского пути капиталистического развития, оставалась достаточно крепка у народников 70-х годов (за исключением таких мало-влиятельных групп, как поздние «лавристы», отделившиеся от самого Лаврова). Внутренний обозреватель «Отечественных записок» писал в конце 1879 г.: «В России общинное владение до сих пор удержалось, если не везде de facto, не везде в привлекательном виде, то несомненно, что оно повсюду почти сохранилось в мыслях и идеалах народа во всей неприкосновенности и целостности и недостает только внешних благоприятных условий, чтобы оно воссоздалось в своем настоящем виде». ²⁶

«Человек будущего в России — мужик, думали народники, — писал Ленин в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм», — и этот взгляд вытекает неизбежно из веры в социалистичность общины, из неверия в судьбы капитализма». От лица марксистов Ленин отвечал: «Человек будущего в России — рабочий... и развитие русского капитализма, как

²³ В. И. Ленин. Народническая буржуазия и растерянное народничество. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 77.

²⁴ Намек на русско-турецкую войну.

²⁵ В. Черкезов. Россия, I. По поводу войны. «Община», Женев, 1878, № 1, январь, стр. 25. В той же статье автор писал: «Не менее бывает озадачен и поклонник современной общины при разговорах с мужиками, готовыми при всяком случае и выругать „общество“ за стеснения в паспортах, за худую раскладку повинностей, и готовыми бежать куда-нибудь от „общества“» (там же).

²⁶ [Г. З. Елиссеев]. Внутреннее обозрение. «Отечественные записки», 1879, № 42, стр. 248.

в земледелии, так и в промышленности, все более и более подтверждает их взгляды».²⁷ Ленин называл иллюзорными воззрения народников об «особом укладе народной жизни», о «социалистических инстинктах» крестьянства, подчеркивая, что «никаких других общественно-экономических отношений кроме буржуазных и отживающих крепостнических в России не было и нет», что не может быть «иного пути к социализму, как через рабочее движение».²⁸

Ссылаясь на наблюдения А. Н. Энгельгардта, автора писем «Из деревни», В. И. Ленин заявлял, что «рассказы об общинности и общинных качествах нашего мужика — пустая выдумка, переносящая на *хозяйство* черты, отвлеченные от формы *землевладения*», и что «тенденция крестьянства» — не к «общинному» строю, а к обычному для капиталистического общества строю мелкобуржуазному.²⁹

В. И. Ленин вовсе не оспаривал, что у России, в ее аграрных отношениях, существует по сравнению со сложившимися капиталистическими странами Запада, «крупная особенность», но она не «в полусоциалистическом общинном строе», как думали «старые социалисты-народники» (писано весной 1905 г.), а в обилии крепостнических пережитков, опутавших русскую деревню и делающих невозможным «широкое и свободное» развитие капитализма.³⁰

Вопрос об упадке общины был непосредственно связан с возникновением и развитием классовых антагонизмов *внутри* крестьянства.

Отмечая факт «мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники», В. И. Ленин подчеркивал, что «общинный быт» вовсе не «исключал буржуазию», не исключал «раздробления крестьян».³¹ В ходе резкого и решительного спора с либеральными народниками 90-х годов Ленин еще в труде о «друзьях народа» высказывал мысль, что либеральные народники, утратившие «хорошие стороны старого русского социально-революционного народничества», крепко ухватились за «одну из крупных его ошибок» — за «непонимание классового антагонизма внутри крестьянства».³² Правда, смягчая характер этой «ошибки» старых социалистов,

²⁷ В. И. Ленин. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм, стр. 40—41.

²⁸ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 296.

²⁹ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 523.

³⁰ В. И. Ленин. Аграрная программа либералов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 45.

³¹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 386.

³² В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 262.

Ленин тут же указывал, что в соответствующую «иллюзию»³³ «позволительно и даже естественно было впадать» в 60-х и 70-х годах, когда еще мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни и «разложение» деревни «еще не обнаруживалось так ярко», как в 90-х годах.³⁴ Народников 90-х годов Ленин уже прямо обвинял в затушевывании разложения крестьянства, при котором за счет среднего крестьянства выделялись и развивались два новых типа сельского населения — сельская буржуазия, или зажиточное крестьянство, и сельский пролетариат (совершенно безземельное крестьянство и, главное, батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом).³⁵

В конце 1893 г. в письме к П. П. Маслову В. И. Ленин подчеркивал, что ему разложение мелких производителей (крестьян и кустарей) представляется основным и главным фактом, разрывающим городской и крупный капитализм в России и «разрушающим миф об особом укладе крестьянского хозяйства».³⁶

Нет необходимости подробно останавливаться на таком свойстве народников, как отрицание роли фабрично-заводских рабочих в качестве «передовых борцов всего пролетариата».³⁷

³³ Ленин цитировал мысль одного из первых русских марксистов И. А. Гурвича о том, что народник 70-х годов антагонизм внутри крестьянства ограничивал «отношениями между „эксплуататором“ — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом» (Что такое «друзья народа»..., стр. 262).

³⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 263. Это не значит, конечно, что процесс «разложения» вообще не проявлялся. В статье «От какого наследства мы отказываемся?» (стр. 513) Ленин говорит, по поводу книги Скалдина, составившей из статей 1867—1869 гг., о замечавшемся уже и тогда разложении крестьянства. В другом месте Ленин еще несколько раньше отмечал, что «как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри „народа“» (Экономическое содержание народничества..., стр. 442). В 1876 г. в сборнике «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины» была помещена статья князя А. И. Васильчикова «О настоящем положении землевладения в России», в которой автор писал о «распадении крестьянского сословия», «быстром росте сельского пролетариата», о том, что в некоторых губерниях число одних безземельных крестьян достигло 10—15% всего сельского населения, что из общей массы крестьян выделяются «слабейшие хозяева», между тем как другая часть — «более состоятельная, даже зажиточная» — «старается приобрести в собственность смежные угодья, чтобы избавиться от зависимости от владельцев», и т. д. (стр. 426—427).

³⁵ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 168—169, 597.

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 46, стр. 1.

³⁷ Понятие «пролетариат», как разъяснял В. И. Ленин, гораздо шире понятия «фабрично-заводской пролетариат». По отношению

Подобно шестидесятникам (но при более высоком уровне развития капитализма и соответственно гораздо более высокой стадии процесса формирования рабочего класса), народники 70-х годов видели главный центр народной жизни в деревне и основную массовую революционную силу в крестьянстве. Как известно, и в рабочей среде они с особой заинтересованностью относились к тому слою, который сохранил с деревней наиболее тесные связи и благодаря этому рассматривался как особенно ценный посредник между революционной интеллигенцией и крестьянством. Об этом говорят и программные народнические документы, и мемуары революционеров-народников, и некоторые официальные данные. Если распределение пропагандистско-агитаторских сил часто оказывалось не отвечающим этим воззрениям, то это было известным противоречием между теорией и практикой, противоречием, вызванным логикой самой действительности.

Вопроса об отрицательном отношении народников 70-х годов к политической борьбе, о проповеди «сразу» социалистического переворота В. И. Ленин касался в своих произведениях неоднократно. Еще в труде «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин платформу старых революционных народников характеризовал как рассчитанную на то, чтобы *«поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества»*. К данному месту своей книги В. И. Ленин сделал весьма многозначительное (очень часто цитируемое в исторической литературе) примечание: «К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками³⁸ и кончая народовольцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор, занимала далеко не последнее место».³⁹

к «пролетариату вообще», писал Ленин еще в книге о «друзьях народа», «фабрично-заводские рабочие играют роль только передовых рядов, авангарда» (Что такое «друзья народа»... стр. 328).

³⁸ «Народниками», как сменившим бакунистов, бунтарей течением или направлением, В. И. Ленин здесь, очевидно, считал революционеров второй половины 70-х годов, объединенных вокруг подпольного общества «Земля и воля» или разделявших его идейные позиции. Они тоже считали себя последователями Мухоморова Бакунина, тоже были бунтарями, но внесли в бакунистские догмы некоторые изменения программно-тактического и организационного характера. Названье «народники» землевольцы сами и присвоили себе.

³⁹ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 272. В последних словах Ленин имел в виду «прогноз», высказанный в передовой статье № 2 «Народной воли» (1879), относительно того, что в будущем Учредительном собрании, которое состоится «самостоятельно или по

Но по существу, говоря об отрицательном отношении революционных народников к «политической революции и буржуазной политической свободе», В. И. Ленин, конечно, имел в виду донародовольческий этап народнического движения 70-х годов, для которого и характерна была позиция своеобразного аполитизма. В. И. Ленин вместе со всей русской революционной социал-демократией резко критически оценивал народническое отношение к «политической» (т. е. к буржуазной) революции и к «буржуазной политической свободе». В работе «Экономическое содержание народничества» он с глубокой иронией говорил о «доброй старой теории российских народников, по которой „интеллигенция“ приглашалась пожертвовать „свободой“, ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки „имущего мещанства“». «Мы, — добавлял В. И. Ленин, — не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, гг. публицисты „Русского богатства“, в частности».⁴⁰ Одновременно следует отметить, что Ленин подчеркивал связь между непризнанием политической борьбы и верой в непосредственный социалистический переворот, основанной на идеализации общины и крестьянства. «Вера в коммунистические инстинкты мужика, — писал он, — естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ“». ⁴¹ Известно, что победа крестьянской «социалистической революции», разрушающей «основы современного общества», по убеждению революционных народников, неизбежно должна была принести всему народу одновременно как экономическое, так и политическое освобождение.

Аполитизм народничества 70-х годов В. И. Ленин связывал также с воздействием анархической доктрины. В книге «Две тактики социал-демократии в демократической револю-

приглашению правительства», 90% депутатов — от крестьян и, «если предположить, что наша партия действует с достаточной ловкостью, — от партии». В высшей степени вероятно, считала «Народная воля», что такое Учредительное собрание совершило бы «полный переворот всех наших экономических и государственных отношений». В брошюре «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханов назвал это «пророчество» «типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для приглашения практической программы „Народной воли“ с народническими теориями: «90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников» (Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 42—43).

⁴⁰ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества... стр. 378.

⁴¹ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 286.

ции» (1905) Ленин говорил о сущности и значении буржуазной революции. «Так как,— писал он,— господство буржуазии пад рабочим классом неизбежно при капитализме, то можно с полным правом сказать, что буржуазная революция выражает интересы не столько пролетариата, сколько буржуазии. Но совершенно нелепа мысль, что буржуазная революция не выражает вовсе интересов пролетариата. Эта нелепая мысль сводится либо к стародедовской народнической теории, что буржуазная революция противоречит интересам пролетариата, что нам не нужна поэтому буржуазная политическая свобода. Либо эта мысль сводится к анархизму, отрицающему всякое участие пролетариата в буржуазной политике, в буржуазной революции, в буржуазном парламентаризме... Марксизм бесповоротно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма или перескочить через него каким-нибудь путем кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма».⁴² В. И. Ленин тут связывал мечтания о некапиталистическом пути с аполитизмом, отрицанием буржуазных политических свобод. При этом в данном отрывке Ленин в какой-то мере разграничивал аргументацию «народничества» и «анархизма». Однако не нужно думать, будто Ленин принципиально противопоставлял народнические и общеполитические воззрения на «политику». Ленин писал о связи старого народничества с анархизмом или полуанархизмом. За несколько месяцев до «Двух тактик» в газете большевиков «Вперед» он указывал, что старое русское революционное народничество стояло «на утопической, полуанархической точке зрения». «Мужика-общинника считали готовым социалистом. За либерализмом образованного русского общества ясно видели вождения русской буржуазии. Борьба за политическую свободу отрицалась, как борьба за учреждения, выгодные буржуазии». Тут же Лениным отмечалось, что народолюбцы перешли к политической борьбе, сделав этим «шаг вперед», хотя им не удалось связать политическую борьбу с социализмом.⁴³ Важное значение имеют мысли, высказанные Лениным в связи с интересующим нас вопросом

⁴² В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 36—37.

⁴³ В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 179. В плане-тезисах той же статьи находим у Ленина формулировку: «Анарх[ический]-народ[ническое] и с[оциал]д[емократическое] отн[ошение] к „б[уржуа]з[ной]“ свободе» (Ленинский сборник, V, М.—Л., 1926, стр. 67).

впоследствии в книге «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920). В ней В. И. Ленин говорит о сравнительно ничтожном влиянии в России анархизма в период революций 1905 и 1917 гг., как и во время подготовки к ним. Он находил, что это несомненно следует отнести к заслуге большевизму, его постоянной беспощадной и непримиримой борьбе против оппортунизма (а Ленин признавал, что анархизм «нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения» — обе «уродливости» пополюбили друг друга). Но Ленин вместе с тем подчеркивал и другое обстоятельство: еще более важную роль, по его словам, в ослаблении анархизма в России сыграло то, что анархизм «имел возможность в прошлом (70-е годы XIX века) развиться необыкновенно пышно и обнаружить до конца свою неверность, свою непригодность как руководящей теории для революционного класса».⁴⁴

Следует сказать, что позднейшие (начала XX в.) народники иногда пытались преуменьшить роль анархизма — и соответственно главного «апостола» анархизма Бакунина — в русском народническом движении 70-х годов. Можно привести в пример рецензию Н. В. Чайковского на книгу В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов». Этот автор утверждает, что «большинство активных (т. е. революционных, — Ш. Л.) народников того времени, за исключением нескольких, по преимуществу южных кружков, по своим политическим стремлениям, правда довольно неясным, были демократами-республиканцами, что и отразилось уже совершенно ясно на программе последующих политических группировок „народовольчества“, „народоправства“ и „эсерства“: анархизма в них не было и следа, хотя враги их и продолжали „читать его в сердцах“».⁴⁵ Едва ли аргументация, противоречащая точно установленным фактам и косвенно переносящая черты позднейших направлений на старое народничество, нуждается в специальном опровержении.

⁴⁴ В. И. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15. Р. В. Филиппов в своей книге «Из истории народнического движения на первом этапе „хождения в народ“ (1863—1874)» (Петрозаводск, 1967) считает, что мысль В. И. Ленина относительно необыкновенно пышного развития анархизма в 70-е годы нельзя относить «целиком к России» (стр. 91). Мы полагаем (и в пользу этого безусловно говорит весь контекст), что Ленин в данном случае имел в виду именно Россию, русское революционное движение или во всяком случае прежде всего и главным образом русское народническое движение.

⁴⁵ «Голос минувшего», 1913, № 6, стр. 252. Под «врагами» автор разумел русских марксистов, социал-демократов.

Другое дело — реальный, объективный смысл борьбы против «государственности», которую вели русские народники-анархисты (а анархистами, можно добавить, были не только сторонники Бакунина (опи, разумеется, в первую очередь), но в значительной степени и их антагонисты — лавристы). Г. В. Плеханов указывал в статье «О социальной демократии в России» (1893): «„Бунтарь“ шел в народ с тем, чтобы поднимать его против *всякого вообще государства* во имя свободной федерации свободных общин.⁴⁶ Но на деле выходило, что *агитация*, поскольку она возможна была в деревне, сводилась к протесту против *нынешнего полицейско-сословного государства*. Проклинавший „политику“ бунтарь на деле оказывался прежде всего *политическим агитатором*».⁴⁷ В другом месте (статья «Первые шаги социал-демократического движения в России», опубликованная в 1909 г. в органе германских социал-демократов) Плеханов писал: «Будучи верны заветам Бакунина, они (бунтари, — Ш. Л.) хотели бороться с „государством“. Но в России им приходилось бороться не с государством, как таковым, не с понятием государства, а с *конкретным русским полицейским государством*. Поэтому их агитация, вопреки Бакунину, считавшему всякую „политику“ изменой *революции*, неминуемо приобретала определенный *политический* характер».⁴⁸ Объективное политически-революционное значение деятельности народников и на «дополнительном» этапе движения 70-х годов здесь верно подмечено и подчеркнуто.⁴⁹

Говоря о ленинском понимании идейных источников народничества, нельзя не остановиться на освещении им вопроса о взаимоотношении между народничеством и славянофильством. Непосредственным мотивом для обсуждения Лениным в печати этого вопроса явилась его заостренная постановка

⁴⁶ Напомним общую позицию Плеханова, как она выражена, например, в № 1 ленинско-плехановской «Зари», в статье «Еще раз социализм и политическая борьба»: «... народники семидесятых годов были в значительной степени пропитаны духом анархизма» (Соч., т. XII, М., 1924, стр. 68).

⁴⁷ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 17.

⁴⁸ Там же, т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 176—177.

⁴⁹ Любопытны соображения современника из другого, либерального, лагеря, известного юриста и публициста А. Д. Градовского, относящиеся к концу 70-х годов. Напоминая о заявлениях русских социалистов относительно их «равнодушия» к политическим вопросам, Градовский писал: «На деле же их „равнодушие“ к политическим вопросам подвержено сильному сомнению. До сих пор все „пропаганды“ имели по преимуществу политический характер, возбуждали политические страсти, и убийства совершались не над „буржуа“, а над государственными должностными лицами» (А. Д. Градовский. Трудные годы (1876—1880). Очерки и опыты. СПб., 1880, стр. 129—130).

в «легально-марксистской» книге П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Струве начинал с признания существования в народничестве двух групп — славянофильской и западнической, но в дальнейшем находил и у представителей западнической группы материал, который «документирует славянофильские корни народничества», и, делая в конце концов вывод об «исторической связи» между славянофильством и народничеством, он заявлял, что спор марксистов с народниками является «естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством».⁵⁰

В. И. Ленин выразил свое несогласие с тезисом Струве. «Бесспорно, — писал он, — что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора». Имея здесь в виду некоторых легальных народнических публицистов, он в качестве примера указал на С. Н. Южакова. «Бесспорно и то, — продолжал Ленин, — что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной „цивилизации“». Тем не менее он оспаривал позицию Струве. При этом он переносил вопрос в плоскость анализа самой «сущности народничества». Она, заявлял Ленин, лежит не в славянофильстве, а «в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя». «С такими категориями, как славянофильство и западничество», по убеждению Ленина, невозможно было разобраться в проблемах русского народничества, ибо народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в эпоху, когда складывались славянофильство и западничество. Этим фактом Ленин признавал противоположность интересов труда и капитала. Правда, народничество отразило его «через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития». Задачей русских марксистов являлось, по мнению В. И. Ленина, «исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей». Другими словами, выдвигалась задача обосновать историческую миссию рабочего класса России.⁵¹

⁵⁰ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. СПб., 1894, стр. 2, 18, 29.

⁵¹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества... стр. 422—423.

Споря со Струве, В. И. Ленин по существу вскрывал уязвимость и ограниченность концепции, имевшей многих сторонников в русской литературе и до сих пор упорно поддерживаемой рядом историков и литературоведов в западных странах, иногда даже в странах социалистического лагеря.⁵² Сближал народничество со славянофильством либеральный исследователь русской литературы и общественной мысли А. Н. Пыпин. Близкую позицию занимал известный историк русского общественного движения, левый либерал или полулиберал (в прошлом народовец и затем «легальный марксист») В. Я. Богучарский. Значительный материал мобилизовал в своих многочисленных попытках установить славянофильские (в ряду иных) источники народнического мировоззрения Г. В. Плеханов, с которым был солидарен П. Б. Аксельрод, писавший о «революционно-славянофильском народничестве», «славянофильском социализме — словом народничестве» и т. д.⁵³ Ошибка исследователей заключалась обычно в том, что они придавали слишком большое и даже решающее значение формальному сходству отдельных теоретических положений, игнорируя или сильно недооценивая коренные различия в социальной природе явлений и в конечном внутреннем смысле самих идейных установок, вследствие чего подчас, говоря словами одного из историков второго десятилетия XX в., «созвучие выражений» принималось за подлинную «общность идей».⁵⁴

Разумеется, в широком понятии «народничество», покрывавшем сплошь и рядом глубоко различные явления, находилось место для того «смутного славянофильского народничества», против которого, например, выступал в конце 80-х годов П. Л. Лавров,⁵⁵ но это не было истинное народничество как выразитель крестьянского демократизма — то были чаще всего демагоги под флагом «народничества», иногда же «отще-

⁵² А. Л. Григорьев. Спор о наследии. (О некоторых концепциях русской литературы в современном зарубежном литературоведении). «Русская литература», 1967, № 2, стр. 174.

⁵³ Ш. М. Левин. Г. В. Плеханов как историк революционно-народнического движения 70-х годов. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963, стр. 33—39.

⁵⁴ Характерно, что сам Струве много лет спустя после того, как Ленин показал односторонность и неправильность его тезиса, продолжал говорить о «славянофильско-народнической теории» и даже утверждал, что русская революция 1905 г. якобы в идейном отношении «всцело была во власти» этой теории (Петр Струве. *Patriotica*. Сборник статей за пять лет — 1905—1910. СПб., 1911, стр. 43).

⁵⁵ П. Л. Лавров. Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли. В кн.: П. Л. Лавров. *Философия и социология*. Избр. произведения в двух томах, т. 2, М., 1965, стр. 662—663.

пившиеся» в обстановке реакции от народничества бывшие его сторонники и последователи.

Истоки народнических идей В. И. Ленин, конечно, возводил к непосредственным идеологам, прямым духовным вождам народничества 70-х годов (Бакунин, Лавров и др.), об отношении к которым Ленина у нас еще будет речь впереди, а также к некоторым представителям мелкобуржуазной общественной науки Запада, как Прудон или Сисмонди.

Но В. И. Ленин не отрицал идейных нитей, протягивавшихся к народничеству 70-х годов от русских революционных демократов — просветителей 40-х—60-х годов. В полной мере Ленин признавал очень большую роль в истории народничества А. И. Герцена, которого, как мы видели, он называл совершенно определенно основоположником «русского» социализма, «народничества».⁵⁶ В статье «О народничестве», явившейся одним из откликов Ленина на выступление в декабрьской книге «Русского богатства» за 1912 г. А. В. Пешехонова (на статью последнего «Народный социализм или пролетарский?»),⁵⁷ Ленин писал: «Народничество очень старо. Его родоначальником считают Герцена и Чернышевского».⁵⁸ Устанавливая снова, в 1914 г., в статье «Из прошлого рабочей печати в России», идейную связь по линии народничества между Герценом и Чернышевским, В. И. Ленин писал, что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена»: он был «гораздо более последовательным и боевым демократом».⁵⁹

Что Ленин не отрывал Чернышевского от народнических теорий, подтверждают косвенно и подготовительные материалы его к лекциям по аграрному вопросу в Русской высшей школе общественных наук в Париже в 1903 г.⁶⁰

Но из всего этого не следует, что В. И. Ленин ставил полностью знак равенства между воззрениями Чернышевского (и его ближайших единомышленников вроде Добролюбова) и взглядами типичного народничества 70-х годов. Об этом говорят уже мысли Ленина, высказанные в конце 90-х годов в статье «От какого наследства мы отказываемся?». В ней подразумевается, как мы уже отмечали, как самый яркий представитель

⁵⁶ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 257.

⁵⁷ Другим ленинским откликом была его статья «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» в журнале «Просвещение» за февраль 1913 г.

⁵⁸ В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

⁵⁹ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

⁶⁰ В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. Соч., изд. 4-е, т. 40, стр. 16.

демократического просветительства, Н. Г. Чернышевский, и очерчены особенности народнических «прибавок» к «наследству» 60-х годов, отделяющих народников в ряде пунктов от этого «наследства». Ленин, в частности, отделял «просветителей» от «народников» по линии проблемы «самобытности», которую он считал полностью несоответствующей «духу» 60-х годов и их традиции.⁶¹ «Реализм» в вопросах социологических Ленин также относил к лучшим традициям 60-х годов — в отличие от народничества. С отсутствием социологического реализма у народников Ленин ставил в связь их «узко-интеллигентное самомнение», веру в то, что от деятельности интеллигенции может зависеть тот или иной путь развития страны, чего он тоже не находил в традициях передовой общественной мысли 60-х годов.⁶² Поэтому В. И. Ленин мог уже в этой статье сделать вывод о том, что русские марксисты в определенном смысле ближе к демократам-просветителям, чем народники. Из всего этого не следует, что в работе «От какого наследства мы отказываемся?» было налицо полное противопоставление всех народников революционному просветительству. Ленин призывал подходить к народничеству дифференцированно, даже и к народничеству легальному, либеральному. В народничестве, как он указывал, «есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма (здесь имелись в виду люди типа Юзова-Каблица, — Ш. Л.) и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относящиеся ко многим заветам „наследства“, и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)».⁶³

Что касается революционных народников 70-х годов, то они не только не «отрекались» от наследства передовых демократов 60-х годов, но субъективно признавали себя самыми верными и стойкими его последователями и продолжателями и фактически на самом деле испытали большое его влияние, хотя

⁶¹ Надо, впрочем, напомнить слова самого Ленина об отсутствии единства в 60-х годах. Этого единства не было и в самом демократическом лагере, где были более или менее ярко выраженные представители идей «самобытности». Вспомним некоторые работы Г. З. Елисеева или прокламацию Н. В. Шелгунова «К молодому поколению», о которой М. С. Ольминский писал: «Воззвание „К молодому поколению“ заключает в себе резко выраженные черты того течения мысли, которое впоследствии стало известно под именем революционного народничества» (см. рецензию М. Ольминского на книгу Мих. Лемке «Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского» в журнале «Образование» (1907, № 3, 3-й отд., стр. 113)).

⁶² В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 533, 539.

⁶³ Там же, стр. 545—546.

не всегда правильно учитывали содержание взглядов и метод своих предшественников и «учителей». П. Л. Лавров в конце 1873 г. в предисловии к первой публикации «Писем без адреса» Чернышевского писал о нем: «Он вызвал целую школу людей, вдохновленных его искренним чувством вражды ко всему лицемерному, любви к русскому народу, поставленных на настоящий путь его светлой, могучей мыслью. Многие из них изменили, другие утомились, отстали, но то, что есть еще живого, то, что имеет будущность в деятельности людей, бывших хотя временно под его влиянием, принадлежит именно этому влиянию».⁶⁴ В другой работе (в начале 80-х годов) Лавров отмечал, что «под неумолимыми ударами холодной критики Чернышевского и насмешливыми звуками „Свистка“ разлетались призраки либеральных традиций... Либералы политические потеряли навсегда возможность стать во главе революционного движения против самодержавия».⁶⁵ В 1899 г. старый революционный народник Л. Э. Шишко выступил против статей Евг. Соловьева-Андреевича в журнале «Жизнь», в которых народничество 70-х годов резко противопоставлялось Чернышевскому и Добролюбову и, между прочим, утверждалось, что у Добролюбова «нет и следа народничества, которому было суждено появиться 10 лет спустя».⁶⁶ Отнюдь нельзя сказать, что аргументация Шишко в целом была сколько-нибудь безупречна. Но существенно отметить убежденность самого Шишко в духовном родстве революционных семидесятников с Чернышевским и Добролюбовым. Чернышевского Шишко называл «главнейшим авторитетом» семидесятников «во всех экономических вопросах»; он настаивал на тождестве взглядов влиятельнейшего публициста шестидесятых годов и умственного движения семидесятых годов в «главном пункте» — в их «отношении к народу».⁶⁷

Можно отметить в дополнение утверждение бывшей видной революционерки-семидесятницы, а потом одной из основательниц группы «Освобождение труда» В. И. Засулич на страницах ленинской «Искры», в состав редакции которой она сама входила, что своими революционными мыслями Добролюбов

⁶⁴ П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. III, М., 1934, стр. 169.

⁶⁵ П. Л. Лавров, Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма. СПб., 1906, стр. 16.

⁶⁶ Евг. Соловьев. Семидесятые годы. «Жизнь», 1899, кн. I, январь, стр. 113. Кстати, Соловьев был одним из авторов, особенно настойчиво связывавших народничество со славянофильством.

⁶⁷ П. Б[ати]н [Л. Шишко]. Экскурсия в «малопроследованную и таинственную» область. «Русское богатство», 1899, № 9 (12), стр. 134, 140, 147 (очень таинственным и до обидности мало последовательным) периодом называл Соловьев-Андреевич 70-е годы.)

«через 10, через 15 лет после своей смерти... неизмеримо сильнее влиял на текущую жизнь, чем живые публицисты 70-х годов, ежемесячно печатавшие свои статьи в журналах»⁶⁸ (речь, надо думать, шла в этом сравнении о легальной журналистике 70-х годов).

Возвращаясь к сравнительной оценке В. И. Лениным воззрений Чернышевского и наиболее верных его единомышленников и, с другой стороны, народников в более специфическом смысле слова, следует сказать, что взятая в целом совокупность ленинских высказываний о тех и других безусловно говорит за то, что он в последних видел то или иное движение назад, то или иное отступление от теоретического уровня, достигнутого Чернышевским.

Никогда он не писал об идеологах, теоретиках народнического движения 70-х годов так, как он писал о Чернышевском, которого, как мы видели, он признавал величайшим представителем утопического социализма в России. Сопоставляя, в частности, взгляды Михайловского и Чернышевского, Ленин прямо подчеркивал, что Михайловский в философии «сделал шаг назад» от Чернышевского. Материалист Чернышевский до конца жизни «смеялся» над «уступочками» идеализму и мистике со стороны позитивистов, за которыми шел Михайловский. И в философии, и в социологии, и в экономической области, как указывал Ленин, взгляды Михайловского были «буржуазно-демократическими» взглядами, прикрытыми якобы „социалистической“ фразой».⁶⁹ Но при всех индивидуальных особенностях мировоззрения Михайловского, он во многом был типичным выразителем и представителем теоретических доктрин народничества в целом, имея, в частности, много общего с Лавровым.

Отход от материализма и диалектики, субъективный метод в социологии, анархические или полуанархические тенденции, обострение «самобытных» иллюзий — в этом выразились «шаги назад» народников 70-х годов по сравнению с наиболее зрелыми элементами революционно-демократического движения эпохи Чернышевского. Разумеется, в движении семидесятников, взятом широко, во всех его компонентах, было немало своих достижений, которые ценил Ленин. Были поставлены новые, выдвинутые жизнью, проблемы и теоретического (вопрос о капитализме хотя бы), и тактического, и организационного характера, были споры, дискуссии, искания,⁷⁰ были круп-

⁶⁸ В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, СПб., 1907, стр. 302.

⁶⁹ В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 334—335.

⁷⁰ В 1887 г. один из представителей группы «Освобождение труда» (П. Б. Аксельрод) в письме к социал-демократическому кружку про-

ные сдвиги в практической деятельности революционеров, круг которых очень значительно расширился; к движению приобщались новые слои, очень заметным стало активное участие передовых рабочих в революционной борьбе.

Интересно отметить, что В. И. Ленин не критиковал оценок Г. В. Плеханова касательно снижения теоретического уровня революционной общественной мысли после Чернышевского и Добролюбова, с которыми Плеханов выступал многократно. Так, Плеханов, например, писал: «Когда сошли со сцены Добролюбов и Чернышевский, передовая русская общественная мысль покинула на довольно продолжительное время, и с огромным вредом для себя, тот путь, который вел от Гегеля к Марксу. Это была эпоха значительного понижения ее уровня».⁷¹

Сравнительно недавно были опубликованы ранее неизвестные замечания В. И. Ленина (1901 г.) на статью Д. Б. Рязанова «Две правды», предназначавшуюся первоначально для журнала «Заря». В своей статье (Ленин о ней дал отрицательный отзыв, и она не была принята редакцией) Рязанов, между прочим, писал: «У нас теперь вошло в моду — о, мы умудрены опытом! — смеяться над семидесятниками за их безумные попытки „поворотить назад колесо истории“. Но этот смех доказывает только безусловную неспособность стать на историческую точку зрения. „Мы“, конечно, поступили бы иначе, но,

тивопоставлял «упадок умственной инициативы» у восьмидесятников с положением в 70-х годах, когда движение, по его словам, при всех своих недостатках, отличалось «сознательно активным стремлением к выработке последовательной программы революционной деятельности». «Смена нечаянской программы действия программой впередцев, — писал автор, — вытеснение последней приверженцами бакунизма, которая в свою очередь видоизменилась в бунтарское народничество, все эти довольно крупные изменения в революционном движении 70-х годов свидетельствовали о присутствии в нем обильного родника живых сил, большого запаса умственной и нравственной инициативы, не удовлетворявшейся протоптанными, но не соответствовавшими потребностям времени, дорожками». Появление «Народной воли» автор рассматривал в свете того же «постоянного процесса критики своих воззрений и путей борьбы», заметного в движении 70-х годов (Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, стр. 232).

⁷¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 259. В таком же духе в общем высказывались такие марксисты, связанные с В. И. Лениным, как В. В. Воровский, А. В. Луначарский и др. Но надо заметить, что Воровский в юбилейной статье о Добролюбове, напечатанной в журнале «Просвещение» за 1912 г. (№ 2), чересчур отрывал Добролюбова от народничества, утверждая, что «по всем основным пунктам своих мировоззрений Добролюбов и народники расходились самым недвусмысленным образом» (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 350).

к сожалению, „нас“ тогда не было, и поколению того времени приходилось решать этот вопрос на основании данных своего времени, сквозь призму данного исторического момента». ⁷² По поводу этих слов Рязанова В. И. Ленин указал, что «смех» над семидесятниками (в связи с их стремлением повернуть колесо истории) доказывает «*ме* „только безусловную неспособностью встать на историческую точку зрения“», — «он доказывает также теоретическое *принижение* 70-ков сравнительно с людьми 40-х и 60-х годов». ⁷³ Ряд историков прочитал в этих ленинских строках осуждение по адресу тех марксистов, которые находят у семидесятников снижение уровня теоретической мысли. Другие же авторы, напротив, истолковали слова Ленина так, что сам он бесспорно признает факт такого снижения. Мы присоединяемся ко второму толкованию, которое, на наш взгляд, вытекает из общего духа замечаний, из сопоставления с другими ленинскими работами (как статья «От какого наследства мы отказываемся?»), даже из построения самой фразы. ⁷⁴

Надо вместе с тем сказать и о различиях между Лениным и Плехановым в понимании ими соотношения между Чернышевским и позднейшим народничеством.

⁷² Ю. Невзоров [Ю. М. Стеклов]. Отказываемся ли мы от наследства? К вопросу об историческом подготавливании русской социал-демократии. С приложением статьи «Две правды» Н. Рязанова. Женева, 1902, стр. 77.

⁷³ В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 402.

⁷⁴ Странники первого толкования придают решающее значение слову «принижение», которое понимают только в смысле упрека в чем-либо желании унижить теорию семидесятников по сравнению с их предшественниками. Но слово «принижение» употреблялось, по крайней мере в конце XIX и первые десятилетия XX в., и в значении признания объективного факта имеющегося налицо снижения. Сам В. И. Ленин писал в 1899 г., в своем «Протесте российских социал-демократов» против экономического «средо», что осуществление программы последнего «было бы равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего и русского революционного движения» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 173). Приведем и некоторые примеры из других авторов. В 1915 г. Валерий Брюсов написал статью об Игоре Северяине. «Отсутствие знаний и неумение мыслить принижает поэзию Игоря Северянина и крайне суживают ее горизонт», — писал критик-поэт, замечательный русский стилист (В. Брюсов. Избр. соч. в двух томах, т. II, М., 1955, стр. 279). В начале 1910-х годов вышло 2-е издание книги Г. С. Новополина «В сумерках литературы и жизни» (посвящена русской литературе 1881—1895 гг.). В подзаголовке главы II (стр. 16), между прочим, значилось: «Общее принижение художественной литературы», причем автор имел в виду реальный в его глазах факт снижения в указанный период уровня литературы. Примерно в то же время в журнале «Музыка» (1914, № 178, апрель) шла речь о причинах, «принижавших творчество» знаменитого композитора Мейербера (стр. 330), и т. д.

Плеханов, готовый в начале своей деятельности в качестве марксиста (и тем более, конечно, в свой домарксистский период) видеть в Чернышевском одного из родоначальников народничества (хотя и оговаривавший в «Наших разногласиях», что народники, «строго держась каждой буквы» писаний Чернышевского, «утратили всякое понятие об их духе»),⁷⁵ в дальнейшем изменил свою точку зрения. Он до конца сохранял признание того, что Чернышевский «был одним из тех писателей, у которых народники заимствовали сильнейшие свои доводы», но доказывал, что сам Чернышевский «никогда» не был народником, не был «родоначальником народничества» в отличие от Герцена, которого он и называл «настоящим родоначальником нашего народничества».⁷⁶ В основе этого рано происшедшего пересмотра взгляда Плеханова лежало его убеждение, что Чернышевский со времени «Критики философских предубеждений против общинного владения» (конец 1858 г.) отказался от своей веры в общину, от всякой ее защиты, «совершенно махнул рукой на русскую общину».⁷⁷ Это явное «увлечение» Плеханова находилось в противоречии с воззрением В. И. Ленина, подтверждаемым фактами, правильным истолкованием всей системы общественно-экономических взглядов Чернышевского.⁷⁸

⁷⁵ Г. В. Плеханов, Соч. т. II, стр. 152.

⁷⁶ Г. В. Плеханов, Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910, стр. 309; то же: Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, М., 1924, стр. 360.

⁷⁷ Г. В. Плеханов, Соч. т. VI, стр. 34.

⁷⁸ Вспомним еще раз классическую формулу (ее начало) В. И. Ленина, в статье 1911 г. о «крестьянской реформе», формулу как бы полемически направленную против Плеханова, да отчасти и против Стеклова: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полупфеодальную, крестьянскую общину...». «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175).

И. Гурвич, автор очень положительно оцененной В. И. Лениным книги «Экономическое положение русской деревни», в предисловии к вышедшему в 1896 г. русскому ее изданию (она сначала вышла за границей по-английски), различал в истории народничества три периода — конец 50-х и 60-е годы, 70-е годы и 80-е годы. Первый период, по его определению, составлял «пролог» — «будущее народничество» еще выступало «носителем западноевропейских идеалов» (стр. XV). Чернышевского автор называл великим духовным отцом «народнической школы», которая «видела в общине не вымирающий остаток старины, а — при благоприятных условиях — исходную точку грядущего экономического прогресса» (стр. XI). Приблизительно через три десятилетия А. В. Луначарский, цитируя то же место из «Критики философских предубеждений», которое служило Плеханову основой для его выводов, говорил: «Чернышевский отказывается от иллюзорной ставки на общину, но заявляет: община была бы базой социализма при благоприятных условиях. Что он тут имел в виду? Политическую рево-

Существенное различие было между В. И. Лениным и Г. В. Плехановым (особенно, конечно, в меньшевистский период деятельности последнего, после 1903 г.) и еще в значительно большей степени между Лениным и такими представителями меньшевизма, как А. Н. Потресов, во взглядах на социальную природу народничества. Преувеличенными являются высказывания тех историков или философов, которые вообще отказывают Плеханову в каком-либо понимании социальной сущности народничества, приписывая ему воззрение на народничество как на исключительно интеллигентское движение, никак не связанное с каким-либо определенным социальным слоем или классом. Но верно то, что Плеханов (и это было так или иначе связано с его недооценкой роли крестьянства как союзника пролетариата) от своих многочисленных частных указаний на связь народников с точкой зрения крестьянина, на «мещанско-крестьянский» или «мелкобуржуазный» характер народнического социализма не мог подняться до цельной, законченной и последовательной позиции В. И. Ленина в вопросах классовой оценки народничества.

В первых же своих крупных работах В. И. Ленин показал, в чем заключается «сущность народничества»: она — в протесте против крепостничества и буржуазности в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Содержание народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя, повторял он.⁷⁹ Ленин говорил о «социально-революционном» народничестве 70-х годов, называя его *русским*, крестьянским социализмом и указывая, что он «фыркал» на свободу «ради ее буржуазности», боролся с «яснолобыми либералами» и мечтал о «крестьянской революции».⁸⁰

Впоследствии, в обобщающей статье «О народничестве», уже упоминавшейся, В. И. Ленин указывал, что революция 1905 г. «дала генеральную проверку народничеству и определила его место». «Крестьянская демократия — вот единственное реальное содержание и общественное значение народничества», — писал он тут же. Ленин призывал отличать реальное содержание народничества от его «словесной оболочки»;

люцию. Чернышевский создает такую программу: политическая революция и низвержение царизма, укрепление общины, социализм» (А. В. Луначарский. Литература шестидесятых годов. В кн.: А. В. Луначарский. Статьи о литературе. М., 1957, стр. 184).

⁷⁹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 355, 462.

⁸⁰ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 183.

это реальное содержание он видел в стремлении крестьян «к полному равенству в политике и к полному уничтожению крепостнического землевладения».⁸¹

Ленин еще в середине 90-х годов писал о «лучших сторонах народничества», о некоторых «заветах» старого русского народничества, которые ценны для марксизма, к которым «в некоторых отношениях примыкает и марксизм»,⁸² несмотря, конечно, на глубочайшие различия между народничеством и марксизмом.⁸³ Примерно через пятилетие, составляя проект программы социал-демократии, он заявлял, что русские социал-демократы «всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее».⁸⁴ В связи с этим Ленин сочувственно цитировал следующее место из брошюры П. Б. Аксельрода 1898 г. «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов»: «Поскольку народничество было революционно, т. е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплуатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти, с соответствующими изменениями, в программу русской социал-демократии».⁸⁵

Весьма показательны комментарии В. И. Ленина к работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», который был дан Лениным при переиздании этой работы в конце 1907 г. в сборнике его статей «За 12 лет». Ленин предлагал читателям обратить внимание на последние страницы этой работы, где, как он писал, подчеркиваются *положительные* в глазах марксиста стороны народничества в качестве «революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции». Ленин разъяснял, что это — «теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в „левом блоке“

⁸¹ В. И. Ленин. О народничестве, стр. 305.

⁸² В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., т. 1, стр. 353, 411.

⁸³ В статье 1902 г. «Аграрная программа русской социал-демократии», например, Ленин писал о глубокой «пропасти» между народничеством и марксизмом «в оценке экономических порядков и экономической эволюции России» (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 327); впоследствии ему приходилось писать о пропасти, которая разделяет «теоретически и практически» марксизм и народничество (Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих. Там же, т. 25, стр. 327).

⁸⁴ В. И. Ленин. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 232.

⁸⁵ Там же, стр. 237.

на выборах во II Думу и в „левоблокистской“ тактике». Нужно подчеркнуть, что Ленин видел в этой тактике и в идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, с нею связанной, очень старую и очень важную традицию революционных социал-демократов — традицию, которую усиленно поддерживали (в первые годы XX в.) старая «Искра» и «Заря». Ленин делал весьма существенную оговорку об ограниченной допустимости тактики «левого блока» (блока с народниками), вытекавшей неизбежно из «основных теоретических взглядов марксизма на народничество».⁸⁶

В 1912 г. В. И. Лениным была написана статья (в свое время оставшаяся неопубликованной) «Две утопии», основанная на принципиальном противопоставлении либеральной «утопии» — утопии «мира свободной России с Пурешкевичами», которая «отучает крестьянские массы бороться», и утопии народнической, выражающей «их стремления бороться», стремления «совсем покончить с старыми, феодальными эксплуататорами и ложная надежда „заодно“ устранить эксплуататоров новых, капиталистических». «Ясно, — писал Ленин, — что марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс». При этом Ленин высказывал убеждение, что в «старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века (имелась в виду литература группы «Освобождение труда», — Ш. Л.) можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро». Статья заканчивалась указанием на связь этого стремления «с тем, что получило название „большевизма“ в первое десятилетие XX века».⁸⁷

Напомним, что в этой статье Ленин опирался и на авторитет Ф. Энгельса — на его предисловие к первому немецкому изданию работы К. Маркса «Нищета философии», Ленин приводил «замечательное изречение» Энгельса: «Ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле», изречение, высказанное по поводу западного утопического социализма. «Глубокое положение Энгельса, — писал Ленин, — необходимо помнить при оценке современной народнической или трудовической утопии в России...». «Ложный в формально-экономическом

⁸⁶ В. И. Ленин. Предисловие к сборнику «За 12 лет». Полн. собр. соч., т. 16, стр. 98.

⁸⁷ В. И. Ленин. Две утопии. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 121.

смысле, народнический демократизм есть истина в историческом смысле... истина той своеобразной исторически-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы.⁸⁸

Принципиальные, теоретические проблемы оценки исторической роли народничества были связаны у В. И. Ленина с его учением о двух путях капиталистической эволюции, учением, которого мы выше уже кратко касались по поводу ленинского анализа крестьянской реформы 1861 г.

В 1907 г., на V съезде РСДРП (Лондонском) В. И. Ленин говорил: «Объективно, не с точки зрения наших желаний, а с точки зрения данного экономического развития России, основной вопрос нашей революции сводится именно к тому, обеспечит ли она развитие капитализма через полную победу крестьян над помещиками или через победу помещиков над крестьянами. Буржуазно-демократический переворот в экономике России неизбежен... Но этот переворот возможен в двойной форме: по прусскому, если можно так выразиться, или по американскому типу».⁸⁹ Разработка учения о двух путях особенно большое место занимает в ленинском творчестве примерно со времени революции 1905 г. Однако основы учения были заложены задолго до того. По существу в исследовании «Развитие капитализма в России» содержалось социально-экономическое теоретическое обоснование ленинской концепции, а паметки ее были уже (как отмечал в свое время А. В. Луначарский в статье «Ленин и литературоведение») в работе о «друзьях народа».⁹⁰ Вскоре после выхода «Развития капитализма в России», отвечая в журнале «Научное обозрение» на критику его П. Н. Скворцовым, В. И. Ленин писал: «Чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем выше был бы жизненный уровень населения, тем шире был бы внутренний рынок, тем быстрее шло бы применение машин к производству, тем больше, одним словом, похо-

⁸⁸ В. И. Ленин. Две утопии. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 117, 120—121. На мысль Энгельса Ленин ссылался еще раньше, в 1909 г., в критике меньшевиков. «Разоблачая, — писал он, — фальшь народнической доктрины, они, как педанты, закрывали глаза на истину современной борьбы в современной буржуазной революции, выражаемую этими квази-социалистическими доктринами» («Левение» буржуазии и задачи пролетариата. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 413).

⁸⁹ В. И. Ленин. Доклад об отношении к буржуазным партиям. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 339—340.

⁹⁰ А. В. Луначарский, Собр. соч., т. 8, М., 1967, стр. 427.

дило бы экономическое развитие России на экономическое развитие Америки».⁹¹ В 1902 г. Ленин доказывал, что неизбежный сам по себе переход от крепостнической к капиталистической эксплуатации возможен в форме насильственного свержения крепостников, которые, опираясь на традиции прежней власти рабовладения, высасывают из патриархального крестьянства последние соки, что крестьянство вовсе не осуждено «имманентным» законом общественно-экономической эволюции на муки «затяжного, ужасающего своей длительностью вымирания голодной смертью». И Ленин выдвигал требование «полной и безусловной, не реформаторской, а революционной отмены и уничтожения пережитков крепостничества».⁹²

Победа крестьян над помещиками, революционное уничтожение всех остатков крепостничества отвечали интересам как самого крестьянства, так и пролетариата, интересам прогрессивного развития страны. Ленин видел реальное историческое значение народнической идеологии в противопоставлении двух путей капиталистического развития; в 1911 г. он подчеркивал, что оба пути «проводятся в жизнь» «в течение более полувека», относя уже тем самым борьбу за демократический («американский») путь и к старому народничеству.⁹³

Народническая идея равенства мелких производителей, как попытка решения задач социалистической революции «позади, а не впереди», отбрасывалась Лениным, признавалась сугубо утопической. Но «та же идея равенства, — утверждал он, — есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач».⁹⁴

В знаменитом письме к И. И. Скворцову-Степанову от декабря 1909 г. В. И. Ленин указывал, что вопрос о капиталистическом направлении аграрной эволюции в России — как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве, как вне, так и внутри общины — был правильно решен русскими марксистами «в 1883—1885, в 1895—1899 гг.», но историей поставлен дальнейший вопрос о борьбе двух путей *капиталистического* аграрного развития. Он резко обрушивался на меньшевиков, которые, воюя с «народничеством, как с северной

⁹¹ В. И. Ленин. Некритическая критика. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 628.

⁹² В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии, стр. 347.

⁹³ В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 168—169.

⁹⁴ В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 225—226.

доктриной социализма», «доктринерски просмотрели, прозевали исторически реальное и прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего...».⁹⁵

Народничество по своему объективному историческому содержанию и значению было идеологией крестьянской демократии в России, было знаменем борьбы крестьянства за полное свержение крепостничества, за полное и всестороннее очищение России от всех и всяких его пережитков. Эти стремления имели своим облачением социалистическую утопию, для чего также существовали свои исторические основания и что имело свою давнюю и глубокую традицию.

II

В революционном народничестве 70-х годов было несколько вполне определившихся направлений; это не означает, что внутри этих направлений не было оттенков, иногда очень значительных и существенных. Кроме того, были в нем группы или кружки и тем более отдельные деятели, которые так или иначе держали себя в стороне от отчетливо выраженных направлений, иногда же как бы соединяли в себе черты, свойственные разным направлениям. Еще в своей работе «Социализм и политическая борьба» Г. В. Плеханов, приводя слова Энгельса (из «Развития социализма от утопии к науке») относительно господствовавшего в свое время в головах большинства рабочих Англии и Франции «эклехтического», или «среднего», социализма, свидетельствовал: «Такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых „впередовцев“ и „бакунистов“».¹ Плеханов мог бы назвать еще третье сравнительно гораздо более малочисленное направление — «набатовское», или ткачевское. При всем том никак не следует недооценивать роли этих более или менее определенных, сложившихся направлений, к чему заметна известная склонность как среди некоторых советских историков или литературоведов, так и среди зарубежных.

⁹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 227—229.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. II, М.—Пгр., 1924, стр. 32. В другом месте этой работы Плеханов писал об «общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеупомянутые направления» (там же, стр. 68).

Заметна и другая тенденция (не очень, надо сказать, новая — с нею можно без труда встретиться и у некоторых дореволюционных авторов, и у отдельных советских авторов в первые десятилетия после Октября) к преуменьшению влияния М. А. Бакунина в русском революционном движении 70-х годов, хотя именно бакунизм (во внутривосточных преимущественно интерпретациях) был вплоть до конца 70-х годов наиболее влиятельным направлением внутри движения революционных семидесятников.²

В. И. Ленин в своих высказываниях, прямо и косвенно относящихся к революционному движению 70-х годов, касался всех трех направлений радикальной народнической мысли этого времени и прежде всего тех деятелей, которые возглавляли эти направления, — М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева.

Высказывания В. И. Ленина о Михаиле Бакуине и бакунизме в России очень тесно переплетаются с общими суждениями его об анархизме в целом — русском и международном.

Ленин рассматривал Бакунина как одного из представителей различных форм «непролетарского, домарксистского социализма (Мадаини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. п.)». Борясь «с теориями всех этих сект и школок, — писал Ленин, — Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах».³

Теории анархизма, среди которых учение Бакунина, как известно, занимает особо видное место, В. И. Ленин подвергал неоднократно глубокой критике. В 1901 г. Лениным были написаны тезисы на тему «Анархизм и социализм». Здесь Ленин говорил о том, что анархизм «за 35—40 лет (Бакунин и *Интернационал* 1866—) своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего кроме общих фраз против *эксплуатации*». Недостает, писал он, «понимания *причин* эксплуатации», «понимания *развития* общества, ведущего

² Об этом справедливо упоминается в первом томе «Истории Коммунистической партии Советского союза» (М., 1964), где данное явление приурочено к «середице» 70-х годов. Еще в 1921 г. видный литератор-большевик П. Н. Лепешинский указывал: «...как известно, бакуинское влияние на народническую мысль 60-х и 70-х годов в значительной мере предопределило характер ее развития» («Пролетарская революция», № 2, 1921, стр. 203).

³ В. И. Ленин, Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма). Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49 (работа написана Лениным в 1914 г.).

к социализму», «понимания *классовой борьбы*, как творческой силы осуществления социализма». Ленин решительно осуждал в тезисах отрицание анархизмом «политики в буржуазном обществе», отмечал непонимание им роли «организации и воспитания рабочих». Он рассматривал анархизм как «порождение *отчаяния*», говорил по поводу него о психологии «выбитого из колен интеллигента или босяка, а не пролетария».⁴

В конце 1905 г. на страницах первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь» В. И. Ленин, отмечая ничтожность влияния анархистов в рабочей среде (напомним, что впоследствии, в «Детской болезни „левизны“», Ленин объяснял этот факт в значительной мере воздействием отрицательного опыта 70-х годов), одобрил отклонение Исполнительным комитетом Петербургского Совета рабочих депутатов просьбы анархистов о допущении их представителей в Совет и его Исполнительный комитет. При этом Ленин говорил о пропасти, разделяющей анархизм и социализм, о том, что взгляды анархистов выражают не «будущее буржуазного строя», идущего к обобществлению труда, а «настоящее и даже прошлое этого строя, господство слепого случая над разрозненным, одиноким, мелким производителем». Снова и снова В. И. Ленин осуждал тактику отрицания политической борьбы, разъединяющую пролетариев и на деле превращающую их в «пассивных участников той или иной буржуазной политики, ибо настоящее отстранение от политики для рабочих невозможно и несуществимо».⁵

В критике анархизма, в частности бакунинского анархизма, В. И. Ленин продолжал и развивал линию Маркса и Энгельса, которым пришлось вести ожесточенную борьбу в I Интернационале против бакунистов, стремившихся захватить руководящую роль в международном рабочем движении (они пользовались серьезным влиянием, кроме России, в ряде романских стран).

Это не мешало В. И. Ленину, в борьбе против оппортунистов во II Интернационале, отмечать условные точки соприкосновения между анархистами, в том числе Бакуниными, и марксистами. Этой теме посвящен ряд ленинских высказываний в книге «Государство и революция». «Маркс, — писал тогда Ленин, — сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за „разбитие“ современной государственной машины. Этого

⁴ В. И. Ленин. Анархизм и социализм. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 377—378.

⁵ В. И. Ленин. Социализм и анархизм. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 129, 131—132.

сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте». ⁶ «Различие между марксистами и анархистами, — подчеркивал Ленин, — состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, чем ее пролетариат заменит и как он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают». ⁷ В. И. Ленин цитировал слова Энгельса: «Анархисты колют нам глаза „народным государством“». Говоря это, поясняет Ленин, «Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *почти* правильными, поскольку „народное государство“ есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и „свободное народное государство“. Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет „государства“». ⁸ Полемизируя с анархистами (в первую очередь, конечно, с Бакуниным), Маркс и Энгельс, по словам Левина, «выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству». Ленин тут же отмечал, что анархисты совершенно не поняли уроков Коммуны (известно, что анализ событий Коммуны прежде всего давал Бакунин с анархистских позиций), «пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, „своей“, подтверждающей их

⁶ В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 53.

⁷ Там же, стр. 112—113.

⁸ Там же, стр. 66.

учение». ⁹ У анархиста, указывал опять Ленин, оговаривая при этом, что он имеет в виду «лучшего» из анархистов, а не такого, который «плетется за буржуазией», выходит «тактика отчаяния, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами». ¹⁰

Ленин остановился и на такой стороне разногласий между Марксом и Энгельсом и вдохновляемыми Бакуниным анархистами, как оценка переживавшегося в 70-х годах, после Коммуны, положения в рабочем революционном движении. В 1917 г. В. И. Ленин писал: «...тогда, после поражения Парижской Коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия». «Маркс и Энгельс верно уловили момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции». ¹¹

На счет бакунистских тенденций должно отнести и часть формулы В. И. Ленина, которая замыкала (почти замыкала — точнее) работу Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма». «Мы (т. е. русские социал-демократы, — Ш. Л.) освободились — писал Ленин, — от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоробства с самодержавием геройской интеллигенции». ¹² Если последние слова относились к народоловцам, если слова о вере в самобытное развитие России и о народническом социализме касались всего народничества в целом, включая воззрения Бакунина, то остальное касалось исключительно или в первую голову идей Бакунина.

Само собой разумеется, что В. И. Ленину были вполне

⁹ В. И. Ленин. Государство и революция. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 103—104.

¹⁰ Там же, стр. 117.

¹¹ В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 181.

¹² В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 71—72.

чужды те волюнтаристские черты во взглядах и деятельности Бакунина, которые подчеркнул Маркс в своем конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» (конечно, неизвестном в свое время — вплоть до 1920-х годов). «Радикальная социальная революция, — писал Маркс, — связана с определенными историческими условиями экономического развития; последние являются ее предпосылкой». Но для Бакунина, указывал Маркс, экономические условия социальной революции «не существуют». «Воля, а не экономические условия, является основой его социальной революции».¹³

При всем том ошибочно было бы не видеть того, что В. И. Ленин рассматривал бакунизм в России 70-х годов как важное и значительное явление в революционной борьбе. Можно было бы априори сказать, что, придавая крупное значение революционному народническому движению в целом, Ленин не мог не признавать серьезной роли самого влиятельного направления в этом движении. И действительно, в тогдашних российских условиях бакунизм был одним из видов русского крестьянского социализма, и деятельность бакунистов была одним из главных проявлений борьбы, направленной объективно против крепостничества в защиту интересов народных крестьянских масс. Достаточно напомнить уже приводившуюся характеристику Лениным «всех наших старых революционных программ», сущность которых сводилась, по словам Ленина, к стремлению поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества. Разясняя, о каких именно программах идет речь, В. И. Ленин начинал свой перечень «бакунистами и бунтарями».¹⁴

Ленин расценивал «хождение в народ» революционеров 70-х годов как расцвет «действенного народничества».¹⁵ А ведь

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 48, стр. 612, 615. Ю. А. Кра- син в книге «Ленин, революция, современность» (М., 1967) пишет: «И Маркс, и Ленин решительно осуждали легкомысленную игру в революцию... К. Маркс видел в этом проявление мимолетной, мелкобуржуазной революционности и именно за это жестоко критиковал фракцию Виллиха—Шаппера» (в немецком движении на рубеже 40-х и 50-х годов). Автор в связи с этим приводит выдержку из выступления Маркса на заседании Центрального комитета Союза коммунистов 15 сентября 1850 г., где, между прочим, Маркс говорил о подмене материалистического воззрения «Коммунистического манифеста» идеалистическим и о том, что вместо «действительных отношений главным в революции изображается воля...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 582—583). Мы видим сходство даже в выражениях с позднейшей критикой Бакунина Марксом.

¹⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 272.

¹⁵ В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

именно сторонники различных оттенков русского бакунизма играли виднейшую роль в «хождении в народ». Нельзя игнорировать при выяснении взгляда В. И. Ленина на деятельность русских бакунистов-бунтарей его оценки революционно-народнического общества «Земля и воля» второй половины 70-х годов, поскольку основатели и участники «Земли и воли» считали себя последователями Бакунина и на самом деле исходили из его идеологических построений, хотя в своей программе и практике и вносили в ортодоксальный бакунизм известные поправки. В книге «Что делать?» В. И. Ленин писал: «... у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют „народовольчеством“ всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольтцами*, расколовшимися на чернопеределцев и народовольцев». ¹⁶ Нельзя не учитывать также того обстоятельства, что на страницах «Искры», главным организатором и руководителем которой был В. И. Ленин, почему ее законно и называют ленинской «Искрой», заслуги «Земли и воли» отмечались другим членом редакции этого органа Г. В. Плехановым, который, как известно, сам в свое время принадлежал к видным землевольтцам. В журнале «Заря», издававшемся редакцией ленинской «Искры», Плеханов подчеркивал, что бунтари, в данном случае именно землевольтцы, сослужили революционному движению «хорошую службу», так как они были усердными, неутомимыми и очень искусными агитаторами; они, не щадя себя, «поддерживали всякое оппозиционное и революционное движение, направлявшееся против существующего порядка». ¹⁷ Едва ли можно сомневаться в том, что у В. И. Ленина не было возражений по существу высказанных Плехановым суждений о роли бунтарей-землевольтцев.

В 1904 г., уже на страницах новой «Искры», Г. В. Плеханов в статье, посвященной 40-летию со дня основания I Интернационала, писал о Бакунине: «Умный, даровитый, образованный, самоотверженный и смелый, этот замечательный человек мог бы играть в высшей степени плодотворную роль в международном рабочем движении, если бы он не был чужд ему по своим утопическим понятиям и по метафизическим приемам своей будто бы революционной мысли... Бакунин посвятил всю свою жизнь борьбе за свои идеи. Как бы ни были они опи-

¹⁶ В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 134—135.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Соч., т. XII, М., 1924, стр. 70.

бочны, мы обязаны уважать его самоотвержение. Но чем искреннее мы уважаем его, тем более мы сожалеем о том, что неспособность Бакунина усвоить себе точку зрения научного социализма сделала его самоотвержение в эпоху борьбы „с Марксом“ не только бесполезным, а прямо вредным для международного пролетариата». ¹⁸

Повторяем, эта характеристика Бакунина напечатана была не в старой, а уже в новой «Искре». Однако по существу своему она не расходится с тем, что говорилось о Бакунине в ленинской «Искре» в заметке редакционного характера в первом номере 1903 г. по поводу сбора средств на памятник Бакунину. В этой заметке читаем: «...несмотря на глубокие различия, отличающие наши взгляды от взглядов М. А. Бакунина, мы умеем ценить в нем человека, в течение всей своей жизни твердо и самоотверженно борвшегося за свои убеждения. Таких людей, к сожалению, слишком мало еще у нас в России, и память их должна быть дорога даже для их противников». ¹⁹

В 1918 г., согласно созданному по инициативе В. И. Ленина плану монументальной пропаганды, было решено открыть памятник М. А. Бакунину в числе 31 памятника «революционерам и общественным деятелям», список которых был утвержден Лениным. ²⁰ Памятник и был открыт в том же году в Москве. ²¹

Надо отметить, что в советской исторической литературе, особенно 20—30-х годов, велись довольно страстные дискуссии вокруг наследия Бакунина, в которых участвовали авторы больших монографий о Бакунине — Ю. М. Стеклов и В. П. Полонский, а также многие другие исследователи. Стеклов, собравший, как и Полонский, большой фактический материал,

¹⁸ Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, М.—Л., 1925, стр. 304, 305.

¹⁹ Памятник на могиле М. А. Бакунина. «Искра», № 39, 1903. Перепечатано: «Искра», №№ 1—52. Полный текст под ред. и с пред. П. Лепшинского, вып. VI, Л., 1928, стр. 52.

²⁰ В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 574. В разных разделах этого списка значились еще, среди других, Радичев, Пестель, Рылеев, Белинский, Герцен, Огарев, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Лавров, Михайловский, Желябов, Перовская, Кибальчич, Плеханов.

²¹ Памятник, работы скульптора Б. Д. Королева, был трактован сугубо формалистически и был снят (по одной из версий, он был разрушен анархистами, так как, по воспоминаниям А. В. Луначарского, «при всей своей левацкой передовитости анархисты не хотели потерпеть такого скульптурного издевательства над памятью своего вождя» (А. В. Луначарский. Об изобразительном искусстве, т. II, М., 1967, стр. 9); по другой версии, анархисты только грозили взорвать памятник (там же, стр. 71—72, 277)).

в своей оценке Бакунина очень сильно отступал от ленинских позиций, стремясь «подтянуть» воззрения Бакунина ко взглядам «современного коммунизма». В этом смысле толкования Вяч. Полонского были гораздо ближе к истине. М. Н. Покровский, высказавший по обыкновению ряд интересных мыслей и о Бакунине, безусловно преувеличивал его роль, безоговорочно называя его самым крупным в доленинский период революционером в России, забывая в своих сопоставлениях о Чернышевском, отодвигая на второй план и Пестеля, и Герцена, считая, что, например, Желябов был «гораздо мельче».²² «Без Бакунина и бакунистов, — писал Покровский, допуская и тут своего рода преувеличение, — промежуток между выстрелом Каракозова и „Народной волей“ был бы отмечен совсем мертвым штилем».²³ В течение примерно последних полутора десятилетий советские историки стремятся дать верное освещение деятельности Бакунина, посвящая ему специальные (пока еще небольшие) исследования (Н. М. Пирумова, В. А. Твардовская, Н. Ю. Колпинский).

В трудах В. И. Ленина уделено внимание и другому из идеологов народничества 70-х годов, П. Л. Лаврову, который представлял в отличие от бунтарского — бакунистского — направления в народничестве направление пропагандистско-подготовительское. «... Лавров, — как он сам впоследствии о себе писал, — ясно сознавал, что ни народ не готов к социальному перевороту, ни интеллигенция не усвоила себе в достаточной мере то социологическое понимание и то нравственное убеждение, которые одни могут выработать в последних искренних социалистов. Он считал поэтому необходимым приготовление социальной революции в России путем развития научной социологической мысли в интеллигенции и путем пропаганды социалистических идей в народе».²⁴

Здесь не место останавливаться подробно на тех исторических обстоятельствах, которые обусловили сильно критическое отношение большинства революционеров 70-х годов к тактической платформе Лаврова. Отметим лишь, что она мало вязалась со все повышавшимся настроением массы революционной молодежи и что она, отчасти в связи с несколько схоластической

²² М. Покровский. Бакунин в русской революции. (К пятидесятилетию со дня смерти). В кн.: Михаил Бакунин. 1876—1926. Неизданные материалы и статьи. М., 1926, стр. 179.

²³ «В этом раздувании слабо тлеющего огня революции едва ли не главная историческая заслуга бакунистов, поскольку они действовали в России», — добавлял он (М. Покровский. Бакунин в русской революции, стр. 184).

²⁴ П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. I, М., 1934, стр. 105.

аргументацией и недостаточно реалистичной постановкой вопросов о самой пропаганде и еще больше о «путях развития» научной подготовки интеллигенции, отталкивала наиболее активные и боеспособные элементы среди молодежи.

Отметим вместе с тем, что в понимании социально-экономических отношений России между Бакуниным и Лавровым было много общего. Отметим и то, что по вопросу о буржуазной революции и политической борьбе Лавров также во многом сходился с Бакуниным. «Политический переворот в России, чуждый экономическим задач, — писал он о себе позднее (а «экономические задачи» понимались им в общеполитическом духе как исходящая из общинного строя «социальная» революция), — он считал вредным, как образующий почву для такой же классовой эксплуатации народа, которая имеет место на Западе под формою либеральных учреждений».²⁵

Таким образом, критика В. И. Лениным теории особого пути развития России и народнического «аполитизма» по существу должна быть отнесена в адрес как Бакунина и его последователей, так и направления, представленного Лавровым (однако по вопросу о роли государства, или «государственного элемента», в будущем обществе Лавров осторожно и постепенно отходил от анархистских позиций).

Но едва ли не наибольшее внимание со стороны В. И. Ленина привлекали философские и социологические воззрения Лаврова. Если имя Лаврова не так часто встречается на страницах ленинских работ, то это объясняется тем, что В. И. Ленину пришлось в гораздо большей мере иметь дело с Н. К. Михайловским, философско-социологические воззрения которого были, однако, чрезвычайно близки и родственны взглядам Лаврова.²⁶ Оба народнических идеолога были в России творцами так называемого субъективного метода в социологии, которому присущи отрицание естественноисторического характера социального процесса, непонимание подлинных объективных закономерностей общественного развития. «Субъективисты. . . — писал В. И. Ленин, — признавая законосообразность исторических явлений, не в состоянии, однако, были взглянуть на их эволюцию как на естественно-исторический процесс, — и именно

²⁵ Там же, стр. 104.

²⁶ Один из последователей Лаврова и Михайловского Н. С. Русанов писал: «Сам Петр Лаврович говорил мне. . . , что в Михайловском он видит собственно не ученика своего, а родственного по духу мыслителя, который пришел почти к тому же выводу своим особым путем, хотя, пожалуй, и позже его» (Н. С. Русанов. Петр Лаврович Лавров. В кн.: История русской литературы XIX века, вып. 19. М., 1910, стр. 114).

потому, что останавливались на общественных идеях и целях человека, не умея свести этих идей и целей к материальным общественным отношениям». ²⁷ Основная идея Маркса о естественноисторическом процессе развития общественно-экономических формаций «в корень подрывает», указывал Ленин в том же труде, «ребячью мораль» субъективистов, претендующую на наименование социологии. ²⁸ Идеалистический подход к рассмотрению общественных явлений был не только попыткой особого, «субъективного», метода исследования (этот метод не был чистым изобретением русских народнических идеологов Лаврова и Михайловского — у них были предшественники на Западе, например Огюст Конт), с ним было связано определенное понимание общественных задач и практической общественной деятельности. «... Субъективный метод исследования и решающая роль субъективных элементов в процессе общественного развития неразрывно связаны одно с другим», — призвал один из самых авторитетных представителей народнической социологической школы. ²⁹

В. И. Ленин, как и Г. В. Плеханов (его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.), немало потратил сил, чтобы вскрыть в глазах передовых общественных кругов несостоятельность субъективной социологии, которая в период конца 60-х и 70-х годов была как бы призвана дать теоретическую санкцию поискам «особливого» пути социально-экономического развития России.

Лавров и Михайловский, указывал В. И. Ленин, «ставят во главу угла положение, что историю делали „одинокие борющиеся личности“. „Личности создают историю“ (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: „Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий“ ³⁰. Ленин подчеркивал, что теоретически это положение — историю делают личности — «совершенно бессодержательно»: «История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на „право вмешатель-

²⁷ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 138.

²⁸ Там же, стр. 134.

²⁹ Л. Э. Шияшко. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920 [1921], стр. 69.

³⁰ Цитата из статьи Н. К. Михайловского «Десятица и шуйца Льва Толстого» (в серии «Записки профана», май 1875 г.). См.: Н. К. Михайловский, Соч., т. III, СПб., 1897, стлб. 448. (Прим. Ред.).

ства в ход событий“ (слова г. Михайловского...) сводится к пустой тавтологии». «Решительно ничего кроме хорошего желания и плохого понимания знаменитый „субъективный метод в социологии“ не выражает», — замечал В. И. Ленин.³¹

Одним из основных и наиболее ранних произведений, в которых обосновывалась народническая субъективная социология, были «Исторические письма» Лаврова, печатавшиеся в «Неделе» за 1868—1869 гг. и отдельной книгой впервые изданные в 1870 г. Именно здесь Лавров на вопросы: «как же шла история?», «кто ее двигал?» — отвечал цитированным впоследствии у Ленина положением: «одинокие борющиеся личности». «Как ни мал прогресс человечества, — писал Лавров, — но и то, что есть, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях» — «единственных орудиях человеческого прогресса».³² Правда, Лавров учитывал бессилие отдельной личности и приглашал «критические личности» «отыскивать друг друга», соединяться, «стать во главе партии и руководить другими».³³ Но главное было в апологии исторической роли «критически мыслящей» интеллигенции, а наряду с этим в идее долга интеллигенции перед народом, объективный смысл которой впоследствии Ленин определял в словах: «Демократ размышлял о расширении прав и свободы народа, облекая эту мысль в слова о „долге“ высших классов перед народом».³⁴

Идея «долга» упала на благоприятную почву, она отвечала настроениям широкого круга интеллигенции, прежде всего молодежи, все более поглощенной думой о бедствиях крестьянства и стремлением прийти ему на помощь. В сочетании с верой в историческую миссию интеллигенции, которую вселял в сердца молодежи автор «Исторических писем», книга Лаврова — неожиданно для него самого — имела огромный успех, почти такой же, писал в начале 90-х годов Плеханов, как «самые значительные сочинения автора „Что делать?“».³⁵ Даже противники направления, представленного Лавровым (само направление определилось лишь через несколько лет после выхода «Исторических писем»), свидетельствуют в своих ме-

³¹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 414—415.

³² П. Л. Миртов [Лавров]. Исторические письма, Пб., 1870, стр. 65, 66, 106.

³³ Там же, стр. 110.

³⁴ В. И. Ленин. О «Вехах». Полн. собр. соч., т. 19, стр. 173.

³⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 6.

муарах о большом влиянии, оказанном на них книгой Миртова-Лаврова.³⁶

Исключительное преувеличение роли интеллигенции, характерное для «Исторических писем», Лавров сохранил до конца своих дней, хотя в дальнейшем, со времени издания им и его единомышленниками обозрения и газеты «Вперед» за рубежом, эта вера в провиденциальную миссию интеллигенции противоречиво соединялась у него (это противоречие в той или иной форме и степени было не только личное, но общее для большинства революционных народников) с верой в народ, в крестьянскую массу и с надеждами на возможность возбуждения народной, крестьянской «социалистической революции».³⁷

³⁶ См., например: С. Ф. К о в а л ь к. Революционное движение семидесятых годов и процесс 193-х. М., 1928, стр. 44 (автор — видный семидесятник-бакуист).

³⁷ Попытки отдельных историков нашего времени доказать более или менее коренной пересмотр Лавровым отмеченных выше воззрений на роль критически мыслящей интеллигенции нельзя признать убедительными (еще народник Н. С. Русанов в 1910 г. в упомянутой выше статье говорил о «довольно заметном угле отклонения от идей „Личности“» в последних произведениях Лаврова (Н. С. Русанов. Петр Лаврович Лавров, стр. 110). Лавров действительно испытал начиная с 70-х годов некоторое влияние со стороны Маркса и Энгельса, готов даже был считать себя их учеником, писал о значении экономических отношений и т. д., но в эклектическом уме Лаврова эти новые наклонения уживались с основными старыми убеждениями. В статье «Теория и практика прогресса», опубликованной в 1881 г. в журнале «Слово» и вошедшей потом во второе издание (в начале 90-х годов) «Исторических писем», хотя и звучали некоторые новые мотивы, Лавров писал: «Органом прогресса является развивающаяся личность, вне деятельности которой прогресс невозможен, которая, в развитии своей мысли, открывает законы общественной солидарности, законы социологии, прилагает эти законы к современности, ее окружающей, и в развитии своей энергии находит пути практической деятельности, именно перестройки окружающей ее современности, согласно идеалам своего убеждения и данным своего знания» («Слово», 1881, апрель, стр. 52). В работе середины 80-х годов «Социальная революция и задачи нравственности» Лавров приводил в подтверждение своих положений длинные цитаты из первого издания «Исторических писем» — о зависимости прогресса исключительно от «критически мыслящих личностей», о том, что «одинокие борющиеся личности» двигали историю и т. д. (П. Л. Л а в р о в. Социальная революция и задачи нравственности. Старые вопросы. Пгр., 1924, стр. 27, 30 и др.). И даже в одной из самых последних работ Лавров повторял снова: «... потребность развития выработалась в интеллигенции в самостоятельную силу и сделалась в сущности главным двигателем истории» (С. С. Арнольдя [П. Л. Л а в р о в]. Задачи понимания истории. Изд. 2-е. СПб., 1903, стр. 57). Такое положение дало повод автору исследования «Социальная философия Петра Лаврова» Л. А. Ческису, вошедшего на французском языке в 1943 г. в Париже, заявить, что «несмотря на свои демократические убеждения и на свой социалистический идеал, Лавров остался в сущности интеллектуалистическим аристократом и убежденным ин-

В воспоминаниях Н. К. Крупской сохранился рассказ о ее беседе с В. И. Лениным в сибирской ссылке по поводу «Исторических писем» Лаврова. Крупская, на которую до ее перехода на марксистские позиции сильное впечатление произвела книга Лаврова, в селе Шушенском как-то заговорила с Лениным об «Исторических письмах» и, по ее словам, очень «мягко» о них отзывалась. Ленин «их критиковал с марксистской точки зрения» и, согласившись с правильностью одной частной мысли, высказанной у Лаврова, на которую сослалась Крупская, сказал, что «это не делает правильной всю книжку в целом».³⁸

Никак не мог принять В. И. Ленин также связанных с социологией Лаврова философских его воззрений, очень эклектичных,³⁹ но в целом сильнее всего окрашенных в позитивистские тона. В полемике против А. Н. Потресова в начале 1911 г. в ответ на его слова: «... мы знаем в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией» — Ленин отвечал: «А не роль позитивистских и идеалистических учений Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии?». И далее: «Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было „формирование“ русского марксизма без выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского?».⁴⁰ По понятным причинам В. И. Ленин говорил только о Бельтове-Плеханове, обходя свои собственные выступления.

В основном можно с вполне достаточным основанием повторить в отношении философии П. Л. Лаврова то, что было сказано В. И. Лениным о Михайловском, сделавшем шаг назад от Чернышевского — от материализма в сторону позитивизма.

дивидуалистом... Лавров не презирает массу... Но для него масса не есть творческая сила в жизни и в истории: объяснения этому Ческис искал в инертности русской массы в 60—70-х годах («Научный исторический журнал», № 4, 1914, стр. 111 (перевод Н. И. Кареева)).

³⁸ Н. К. Крупская. Ленин как пропагандист и агитатор. В кн.: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 163.

³⁹ Еще Чернышевский в статье «Антропологический принцип в философии» писал о «характере эклектизма», присущем философской «системе» Лаврова, что она «производит неудовлетворительное впечатление на читателя, знакомого с требованиями философского мышления» (Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 227). Об эклектизме взглядов Лаврова позднее писал и говорил устно Энгельс, об этом же не раз и в довольно острых выражениях писали Плеханов, Луначарский и др.

⁴⁰ В. И. Ленин. Наши упразднители. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 126.

Характерно, что неонародники начала XX в. видели в философских построениях Лаврова и Михайловского движение вперед от Чернышевского. «Социалист-революционер» М. Антонов (М. И. Булгаков), автор книги о Чернышевском, утверждал, что «дальнейшее развитие русской общественной мысли в лице Лаврова и Михайловского» «ликвидировало» якобы «неустойчивые» элементы мировоззрения Чернышевского — материализм, гегельянство и т. д. Они (эти элементы) сыграли, по мнению названного автора, свою общественную роль и «уступили место более определенному и обоснованному позитивизму О. Конта и Спенсера». ⁴¹ Еще гораздо раньше предпочтение Лаврову и Михайловскому как философам перед Чернышевским отдал окончательно завершивший свой путь к метафизическому идеализму Петр Струве в нашумевшем сборнике «Проблемы идеализма». «П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, думается нам, — писал Струве, — никогда не были такими „властителями дум“ своего поколения, как Н. Г. Чернышевский, но в качестве философов и ученых они значительно выше своего более влиятельного предшественника». «Русский социологический субъективизм» в его глазах являлся хотя и примыкающей к Конту, но в значительной мере оригинальной попыткой «удовлетворить метафизической потребности в пределах позитивизма». ⁴²

Таким образом, в оценке философского наследия Лаврова и Михайловского получился характерный водораздел — по одну сторону находились Ленин, Бельтов-Плеханов, по другую — неонародники и либералы-идеалисты. Первые справедливо видели в этой философии отход «назад» от Чернышевского, другие, являвшиеся противниками материализма, напротив, усматривали тут движение вперед.

Касаясь вопросов программы, в их связях с экономическими проблемами, В. И. Ленин указывал, что с точки зрения «старого русского народничества, принципов Лаврова, В. У. (В. П. Воронцова, — *Ш. Л.*), Михайловского и К^о, разграничение программы-максимум и программы-минимум» было件 нужно и непонятно, так как теорией народничества отрицается «применимость законов и категорий товарного производства к русскому крестьянскому хозяйству». Указывая на это

⁴¹ М. Антонов. Н. Г. Чернышевский. Социально-философский этюд. М., 1910, стр. 264. Небезынтересно, что даже этот автор, говоря о понимании Лавровым роли интеллигенции, полагал, что она (интеллигенция) получает у Лаврова «огромную и, нужно сказать, преувеличенную оценку» (там же, стр. 266).

⁴² П. Г. [П. Б. Струве]. К характеристике нашего философского развития. В кн.: Проблемы идеализма. Сборник статей. М., б. г., стр. 87.

в 1906 г., Ленин замечал, что «сколько-нибудь последовательные сторонники Лаврова и Михайловского (а также В. В. и Николай—она, которых забывают совсем напрасно, ибо много источника экономических идей у современных народников не имеется) неизбежно должны были восстать против этого марксистского деления программы на максимум и минимум».⁴³

В начале 80-х годов П. Л. Лавров, на протяжении нескольких лет до этого (после того как он отделился в конце 1876 г. от руководимой им прежде группировки «лавристов») стоявший «особняком» среди действовавших на общественной арене народнических организаций, стал, по собственному его выражению, «союзником народолюбцев на основании общности основных воззрений», хотя и при несогласии с отдельными элементами их программ.⁴⁴ С народолюбцами и среди народолюбцев (за границей) он и действовал в течение 80-х и 90-х годов. В 1895 г. он выступил с обращением о программных вопросах, которое обратило на себя пристальное внимание В. И. Ленина. В написанной в ссылке, в конце 1897 г., работе «Задачи русских социал-демократов», которая вышла в следующем году в Женеве отдельной брошюрой, В. И. Ленин подверг подробному разбору позицию Лаврова, как она выразилась в упомянутом обращении. Эти ленинские страницы имеют громадное значение и для характеристики отношения Ленина к идеологии народолюбчества, в частности ко взглядам Лаврова того времени, и для понимания ленинских воззрений на задачи русских социал-демократов (последнее определено уже самим заглавием работы).

Говоря о русских социал-демократах, программа которых, по глубоко ошибочному, по существу чисто полемическому утверждению Лаврова, была написана для них «конгрессами немецких социалистов», упоминая, что социал-демократы «проповедают вражду к „ложным друзьям народа“» (видимо, до Лаврова дошел труд Ленина о «друзьях народа»), Лавров писал: «Организацию русской рабочей партии приходится создавать при условиях существования абсолютизма со всеми его прелестями. Если социал-демократам удалось бы сделать это,

⁴³ В. И. Ленин. Эсеровские меньшевики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 398. Статья Ленина была написана по поводу идейного разброда в рядах партии эсеров, выделения, с одной стороны, «максималистов», с другой — «трудовой народно-социалистической партии».

⁴⁴ Лавров отмечал свои сомнения по поводу террора и задачи захвата власти. См.: П. Л. Лавров о программных вопросах. «Летучий листок „Группы народолюбцев“», № 4 [Пб.], 9 декабря 1895 г., стр. 21; то же: П. Куделля. Народолюбцы на перепутьи. Дело Лахтинской типографии. С приложением документов и «Летучих листков „Группы народолюбцев“», Л., 1925, стр. 158.

не организуя в то же время политического заговора против абсолютизма со всеми условиями подобного заговора, то, конечно, их политическая программа была бы надлежащей программой русских социалистов, так как освобождение рабочих силами самих рабочих совершалось бы. Но оно весьма сомнительно, если не невозможно. Если же им придется, так или иначе, группировать не только рабочие силы для борьбы с капиталом, но сплачивать революционных личностей и группы для борьбы с абсолютизмом, то русские социал-демократы фактически примут программу своих противников, народовольцев, как бы они себя ни называли».⁴⁵ О себе Лавров заявлял, что он считает «наиболее рациональной» программу народовольцев.

В. И. Ленин цитировал и другие слова Лаврова, выражавшие сомнение в возможности «организовать русскую рабочую партию при господстве абсолютизма, не организуя в то же время революционной партии против абсолютизма». Ленин подчеркивал, что ему «совершенно непонятны» различия, столь существенные для Лаврова. «Как это? „Рабочая партия помимо революционной партии, направленной против абсолютизма“?? Да разве сама рабочая партия не есть революционная партия? Разве она не направлена против абсолютизма?». И он давал свое убедительное объяснение рассуждениям Лаврова: «... П. Л. Лаврову удалось действительно с полной рельефностью указать основное различие в тактике политической борьбы у народовольцев и социал-демократов. Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народовольцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора». В. И. Ленин противопоставлял народовольчеству позицию социал-демократии: «Социал-демократы же в подобной узости воззрений неповинны; в заговоры они не верят; думают, что время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы».⁴⁶

Социал-демократы, — писал В. И. Ленин, «думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолю-

⁴⁵ «Летучий листок „Группы народовольцев“», № 4, стр. 21.

⁴⁶ В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 458—459.

тизма, прибывающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и выпуждающей у этого правительства уступки». В качестве примера В. И. Ленин называл деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», который определял как зачаток революционной партии.⁴⁷ «Рассуждать... наперед о том, — писал далее Ленин, — к какому средству прибегнет эта организация (революционная рабочая партия, — Ш. Л.) для нанесения решительного удара абсолютизму... было бы пустым доктринерством».⁴⁸

В. И. Ленин обратил внимание еще на одно высказывание П. Л. Лаврова. Говоря о том, что при определенных условиях социал-демократы фактически примут программу народолюбцев, Лавров заявлял: «Разница во взглядах на общину, на судьбы капитализма в России, на экономический материализм суть частности, весьма маловажные для действительного дела и способствующие или мешающие решению частных задач, частных приемов приготовления основных пунктов, но — не более».⁴⁹

Это рассуждение Лаврова⁵⁰ привело Ленина в величайшее недоумение. «Странно даже, — отвечал он, — оспаривать это последнее положение, будто разница во взглядах на основные вопросы русской жизни и развития русского общества, на основные вопросы понимания истории может касаться лишь „частностей“! Давно уже сказано, что без революционной теории не может быть и революционного движения, и в *настоящее время* вряд ли есть надобность доказывать подобную истину. Теория классово-борьбы, материалистическое понимание русской истории и материалистическая оценка современного экономического и политического положения России, признание необходимости сводить революционную борьбу к определенным интересам определенного класса, анализируя его отношения к другим классам⁵¹ — называть эти крупнейшие

⁴⁷ Там же, стр. 459—460.

⁴⁸ Там же, стр. 461.

⁴⁹ «Летучий листок „Группы народолюбцев“», № 4, стр. 21.

⁵⁰ Заслуживает внимания близкое отчасти суждение П. Л. Лаврова в письме к товарищам в России, написанном в декабре 1887 г.: «Различие социально-революционных программ, если только они все социально-революционные, не имеет особого значения, так как каждая личность всего лучше действует в той сфере и теми способами, которые наиболее подходят к ее темпераменту» (письмо опубликовано в кн.: Л. П. Меньшиков. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций в России, ч. I. Годы реакции, 1885—1898. М., 1925, стр. 389).

⁵¹ Следует указать на близость этих формулировок к примерно тогда же писавшейся работе «От какого наследства мы отказываемся?». (Прим. Ред.).

революционные вопросы „частностями“, — до такой степени колоссально неверно и неожиданно со стороны ветерана революционной теории, что мы почти готовы считать это место lapsus'ом». ⁵²

Критикуя различные аспекты лавровских теорий и воззрений, В. И. Ленин сохранял всегда, насколько позволяют судить прямые и косвенные данные, большое уважение к долголетней деятельности П. Л. Лаврова как одного из самых видных представителей революционной России народнического периода. Это была общая позиция русской революционной социал-демократии, и она нашла выражение после смерти Лаврова в 1900 г. В изданной тогда брошюре-листовке «Из записной книжки социал-демократа» Г. В. Плеханов писал: «П. Л. Лавров... заслуживает величайшего уважения. Социал-демократы нравственно обязаны чтить его память». В то же время Плеханов подчеркивал, что социал-демократы «не имеют никакого права затешивать и скрывать разногласия, существовавшие между ними и Лавровым». ⁵³ Мы полагаем, что под этими словами

⁵² В. И. Ленин. Задачи русских социал-демократов, стр. 462. Тому факту, что В. И. Ленин в этом месте назвал П. Л. Лаврова «ветераном революционной теории», придаетя многие исследователями напихив дний какой-то особый смысл; высказывается в более или менее прямой форме мысль, что Ленин не случайно именно и только к Лаврову применил такое выражение — значит, он ценит его гораздо больше других идеологов народничества, а кроме того, в этих ленинских словах такие авторы готовы видеть признак какого-то большего либо меньшего одобрения, положительной оценки именно теоретического наследия Лаврова. Мы убеждены, что для подобного вывода нет оснований. В. И. Ленин просто выразил недоумение по поводу того, что человек, деятельность которого протекала почти исключительно в сфере теории и, так сказать, теоретической публицистики, может до такой степени высказывать недооценку, пренебрежение к важнейшим вопросам теории, имеющим громадное значение и для всей революционной практики.

Нам представляется, что такое мнение не нуждается в специальных доказательствах, ибо сугубо критическое отношение В. И. Ленина к общим теоретическим основам лавровского учения слишком хорошо известно и вытекает из всей совокупности ленинских взглядов, высказываний, ленинских трудов.

Не в качестве какого-то дополнительного доказательства, а как характерный пример, приведем небольшую цитату из «Революционных воспоминаний» о Герцене, Бакуanine, Лаврове Г. Н. Вырубова. «Это — писал Вырубов, — три совершенно различные типа, вернее три различные темперамента. Герцен — революционер-художник, Бакунин — революционный деятель, Лавров — теоретик революции» («Вестник Европы», 1913, январь, стр. 54). Разумеется, мы знаем, что все трое были теоретиками и деятелями. Но можно было бы задать вопрос, заключается ли, например, в словах «Лавров — теоретик революции» одобрение Вырубовым лавровских теорий революции?

⁵³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 44.

мог бы вполне подписаться В. И. Ленин, в то время в России подготавливавший условия для создания своей «Искры».

Как мы видели, В. И. Ленин, полемизируя с Лавровым во второй половине 90-х годов, указал на то, что у народovolьцев «страшно сильны» традиции бланкизма, заговорщичества. Не с народovolьцев, как известно, ведут свое начало эти «традиции». Одним из первых их провозвестников был П. Г. Заичневский,⁵⁴ автор выпущенной весной 1862 г. прокламации «Молодая Россия», который позднее, по возвращении своем из Сибири после каторги и ссылки, сгруппировал около себя кружок молодых единомышленников, известных под названием русских «якобинцев». Это было уже в 70-х годах, когда развернулась зарубежная деятельность П. И. Ткачева, идейного руководителя третьей (наряду с бакунистской и лавристской) фракции в революционном народничестве 70-х годов. В. И. Ленин хорошо знал родословную русских «якобинцев»-бланкистов. Историки и все интересующиеся вопросом читатели полагают воспоминаниями М. П. Ясневой-Голубевой, духовной «воспитанницы» П. Г. Заичневского, высланной по делу, как она сама определяет, «якобинцев-бланкистов», попавшей в начале 90-х годов в Самару, где тогда находился В. И. Ленин. Между Лениным и Голубевой (впоследствии ставшей большевичкой) завязалось близкое знакомство. Темой частых их бесед не в последнюю очередь был именно «якобинизм-бланкизм». Голубева по наивности стремилась обратить Ленина «в якобинскую веру», но «скоро убедилась, что это более чем трудно».⁵⁵ Правильнее было бы сказать, что это было вполне безнадежно.⁵⁶

В. И. Ленин превосходно изучил литературу русских бланкистов ткачевского толка (они имели своим органом зарубежный журнал «Набат», почему их именовали и «набатовцами»). В отличие от большинства народников, настроенных анархистски или полуанархистски, Ткачев и его последователи стояли за использование государственной власти после «социалистического» переворота. С другой стороны, они — опять-таки в отличие от большинства своих революционных современников —

⁵⁴ Попытки некоторых авторов (назовем хотя бы Ю. М. Стеклова) приписать бланкизм П. Г. Чернышевскому не имеют оснований.

⁵⁵ М. П. Голубева. Моя первая встреча с Владимиром Ильичем. В кн.: В. И. Ленин и Самара. Сборник документов и материалов. Куйбышев, 1966, стр. 388.

⁵⁶ В. В. Водовозов, мемуарист из враждебного Ленину лагеря, воспоминания которого о встречах с Лениным в начале 90-х годов в Самаре в своей чисто фактической части не лишены интереса, хотя требуют строгой проверки и критики, отмечает, что и тогда Ленин о так называемых русских якобинцах всегда говорил с порицанием.

отрицали принцип «освобождения народа посредством народа». Ткачевцы-набатовцы, русские бланкисты 70-х годов, считали российское самодержавное государство висящим «в воздухе», т. е. не имеющим корней в общественных отношениях страны. Будучи сторонниками заговорщической тактики, они признавали легко осуществимым захват власти революционным меньшинством из интеллигенции и последующее социалистическое преобразование общества. Но Ткачев страшился неблагоприятного изменения в соотношении общественных сил под влиянием, как он выражался, огня «экономического прогресса», роста «форм буржуазной жизни» (т. е. развития капитализма), почему горячо призывал использовать «настоящий исторический период», организовать революцию «именно теперь, в ближайшем к нам настоящем». «Теперь или очень нескоро, быть может никогда! Теперь обстоятельства за нас, через 10, 20 лет они будут против нас», — писал Ткачев.⁵⁷

Разделяя со всем народничеством, и в частности с Лавровым и Михайловским, общинные иллюзии, Ткачев не был в теории сторонником субъективного метода в социологии, даже критиковал его, но его собственные концепции революции представляли на деле в народничестве едва ли не самую крайнюю степень волюнтаризма.⁵⁸

Ленину всегда была ясна несовместимость бланкистских методов с марксизмом. Ему никогда и ни в какой мере не была свойственна недооценка субъективного фактора,⁵⁹ но признаки огромной роли последнего у Ленина не имеет ничего общего с волюнтаризмом.

⁵⁷ П. Н. Ткачев, Избр. соч., т. III, М., 1933, стр. 70, 92, 95—96, 219, 224, 225, 238, 247, 266—268.

⁵⁸ В советской литературе первых послеоктябрьских лет была заметна тенденция к идеализации «якобинских» (бланкистских) элементов в русской общественной мысли и революционном движении. Это относилось и к «Молодой России», и к Ткачеву. М. И. Покровский считал «Молодую Россию» первым документом «революционного социализма» в России, отдавая ей в этом смысле предпочтение перед Чернышевским, у Заичневского и Ткачева он находил пророческое предвидение того, что свершилось в России в 1917 г., хотя он категорически отмежеввался от мысли, что Ленин «был учеником Ткачева и Заичневского»; «корни» большевизма находил у Заичневского и Ткачева С. И. Мидкевич; Б. П. Козьмин в 1922 г. обнаруживал у Ткачева идею диктатуры пролетариата, облеченную в формы, «поразительно» совпадающие с «практикой русской революции». Уже тогда ряд историков-коммунистов, например Н. Н. Батулин, М. С. Ольминский, очень резко оспаривали подобные модернизаторские попытки, от которых потом отказывались обычно сами их авторы, убедившись в их несостоятельности.

⁵⁹ См. выше (стр. 54, 55, 69, 71, 105) мысли Ленина о революционных ситуациях.

В работе «Что такое „друзья народа“» В. И. Ленин писал: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков... нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории... Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды?»⁶⁰

Без активного действия масс, без твердой опоры на массы Ленин никогда — с самого начала и до самого конца своей деятельности — не мыслил серьезного революционного движения, имеющего шансы на действительный успех, на победу.

На примере критики В. И. Лениным Лаврова можно видеть, как он уже в ранние годы своей работы оспаривал идеи бланкизма, проповедовал необходимость их полного преодоления.⁶¹ Довольно скоро после «Задач русских социал-демократов», в известном протесте против «Кредо» «экономистов», Ленин указывал на «верную позицию» марксизма, «одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения до оппортунистического, реформаторского, социального утопанья...»⁶²

В книге «Что делать?», споря с организатором небольшой группы «Свобода» Л. Надеждиным (Е. О. Зелепским), В. И. Ленин писал, что тот «усердно копирует Ткачева», «крича о „набате вечового колокола“, об особой „точке зрения кануна революции“ и т. п.»

⁶⁰ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 159.

⁶¹ Здесь и дальше речь идет об общепринятом содержании понятия «бланкизм», об ошибочности его основных тактических установок, а не об оценке революционных заслуг Огюста Бланки и всех сторон системы его теоретических взглядов, в которых были свои положительные элементы.

⁶² В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171—172.

Хотя Ленин вслед за этим напоминал «известное изречение» Гегеля, согласно которому «если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом», и говорил о роли Ткачева в подготовке народолюбия, в этом нельзя усмотреть какого-либо одобрения содержания проповеди Ткачева, историческая судьба которого расценивалась именно как трагическая.⁶³

Со времени раскола на II съезде РСДРП меньшевики все чаще в своей борьбе против Ленина и большевиков обращались к обвинениям их в «заговорщичестве», в «видоизмененном бланкизме» и т. д. В. И. Ленин без труда опрокидывал эти беспочвенные обвинения. В книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904) он писал: «Только оппортунисты и могут еще в настоящее время видеть опасность в заговорщических организациях, когда мысль о сужении политической борьбы до заговора опровергнута тысячи раз в литературе, опровергнута и вытеснена давно жизнью... Реальным основанием страха перед заговорщичеством, бланкизмом является не та или иная обнаружившаяся черта практического движения... а жирондистская робость буржуазного интеллигента...».⁶⁴

Упреки в бланкизме особенно упорно стали пускать в ход и социал-демократы — меньшевики, и либералы (кадеты) в период первой русской революции, после поражения декабрьского вооруженного восстания. Фигурировало при этом имя Ткачева, упоминалось заодно и имя Бакунина. А. С. Мартынов, докладчик меньшевиков на Объединительном съезде РСДРП, уверял, будто Ленин повторяет то, что писали о восстании Ткачев и Бакунин. Ленин в «Докладе об Объединительном съезде РСДРП» высмеял «сравнение захвата власти», о котором говорили большевики, с идеями Ткачева в мартыновском докладе на съезде.⁶⁵ Кадеты, в том числе П. Н. Милюков, демонстративно хвалили меньшевиков, в частности Г. В. Плеханова, в связи с этими надуманными, сплошь и рядом демагогическими упреками в бланкизме, ткачевизме.⁶⁶ В. И. Ленин вскрывал ложный характер всех этих упреков и обвинений. «Правда ли, — писал он в мае 1906 г., — что декабрьская борьба (1905 г., — Ш. Л.) была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отрицающая классовую борьбу. Блан-

⁶³ См.: В. И. Ленин. Что делать? стр. 173.

⁶⁴ В. И. Ленин. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч., т. 8, стр. 370—371.

⁶⁵ В. И. Ленин. Доклад об Объединительном съезде РСДРП. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 32.

⁶⁶ См., например: П. Милюков. Год борьбы. СПб., 1907, стр. 466—469.

низм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства (такова была и позиция Ткачева, — Ш. Л.). Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев... крестьян... и мелких буржуа городов... Посредством жупела „бланкизм“ буржуазия хочет приязнить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть».⁶⁷

Одновременно с цитированными непосредственно ленинскими материалами отметим отпор, данный большевиками своим противникам на страницах партийного журнала «Вестник жизни», руководимого, как вся партийная печать, прежде всего Лениным. В рецензии на перевод брошюры Ф. Энгельса «О социальном вопросе в России» журнал, затронув известную полемику Энгельса с Ткачевым, писал: «В последнее время у нас в литературе начали появляться обвинения в „ткачевизме“ против тех социал-демократов, которые решаются утверждать, что „восстание есть искусство“, а следовательно, может и должно быть подчинено сознательному воздействию, а не предоставлено на волю стихии».⁶⁸ Ссылка на „ткачевизм“ в современных спорах в среде русских с.-д. может быть только объяснена невежественностью ссылающихся. Для Ткачева положение дел представлялось так: государственная власть в России не опирается на социальные интересы какого-либо класса, она „висит в воздухе“; в массе населения, состоящей не из пролетариев, а из собственников, накоплено „чувство озлобления и недовольство“. Стоит только пробудить это чувство — и народ победит. Отождествлять это бесплодное бунтарство с революционной тактикой левого крыла социал-демократии можно только в силу невежества или сознательного желанья исказить истину».⁶⁹

⁶⁷ В. И. Ленин. К итогам съезда. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76—77.

⁶⁸ В сентябре 1917 г. В. И. Ленин писал: «Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом высказался на этот счет, назвав восстание именно *искусством*...» (Марксизм и восстание. Письмо Центральному комитету РСДРП. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 242).

⁶⁹ «Вестник жизни», 1906, № 8, 18 июня, стлб. 64.

В 1917 г., в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин многократно предостерегал против малейших уклонений в сторону бланкизма. «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством, — писал Ленин в апреле 1917 г. — Мы — марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы. . .».⁷⁰ Тогда же он говорил на VII Всероссийской конференции РСДРП(б): «Только завоеванием массы. . . мы создаем прочную опору для победы пролетарской классовой борьбы».⁷¹ Именно в результате завоевания на сторону большевиков гигантских народных масс и была достигнута победа социалистической революции.

Бесчисленные попытки представителей современной западной буржуазной историографии выдать Ленина за продолжателя Ткачева (и бланкистов вообще) обречены на провал, ибо «основаны» на извращении фактов, давным-давно вскрытом до конца самим Лениным.⁷²

* * *

Из всех идеологов народничества В. И. Ленину больше всего пришлось иметь дело с Н. К. Михайловским. Его имя на страницах ленинских работ встречается неизмеримо чаще,

⁷⁰ В. И. Ленин. О двоевластии. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.

⁷¹ В. И. Ленин. Речь в защиту резолюции о войне 27 апреля (10 мая). Полн. собр. соч., т. 31, стр. 394.

⁷² См., например: В. И. Салов. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968, стр. 162—163. В статье В. Д. Бонч-Бруевича «Ленин о книгах и писателях» («Литературная газета», 1955, № 48) сообщалось, что Ленин «придавал большое значение публицистическому творчеству народника П. Ткачева, которого он рекомендовал внимательно читать и изучать, говорил, что нужно было дать хорошее предисловие к его работам». Это достаточно правдоподобно. Ленин, несомненно, считал целесообразным издание и изучение и Ткачева, и других демократических авторов (тот же Бонч-Бруевич в другом месте говорит об интересе Ленина к сочинениям Бакунина, Кропоткина). Но возникает мысль об известном запятовании, когда в более ранней статье (В. Д. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. «Красная летопись», 1932, № 3) В. Д. Бонч-Бруевич писал, что Ленин, внимательно изучавший «Набат» и другие издания Ткачева, будто бы говорил, что этот писатель «был ближе других (кого именно? — Ш. Л.) к нашей точке зрения». Мемуарист вспоминает, что Ленин говорил приезжавшим в Женеву товарищам: «Начинайте ваше знакомство с „Набата“, „Общины“ и „Колокола“. Это будет основательно и вам даст огромные знания». Неясно, о какой «Общине» идет речь (мечавеской? или 1878 г.?). Вызывает сомнения и вообще такой перечень. Какие огромные знания могли дать «Община» (даже вторая) или «Набат»? Мемуары даже столь авторитетного и заслуженного деятеля нуждаются в критическом подходе.

чем имена Бакунина, Лаврова, Ткачева. Это объясняется тем, что Михайловский намного пережил и Бакунина и Ткачева; тем, что Михайловский в 90-х—начале 900-х годов был активно действующей и влиятельной в литературе фигурой, что он оказался со стороны народников в центре идейной борьбы, развернувшейся в 90-х годах между марксизмом и народничеством. О борьбе Ленина с либеральным народничеством 90-х годов в настоящем издании идет речь в другом месте. Здесь же перед нами в основном стоит задача кратко очертить освещение В. И. Лениным взглядов Н. К. Михайловского в пору господства революционного народничества (и отчасти в переходную пору 80-х годов).

Борясь с народничеством 90-х годов, В. И. Ленин постоянно возвращался к общим идейным основам народничества, как они сложились раньше. В обосновании народнических идей видная роль принадлежала Михайловскому, а конца 60-х годов бывшему одним из главных сотрудников, с потом и одним из редакторов демократического ежемесячника «Отечественные записки», с которым связана во многом идейная история народничества 70-х—начала 80-х годов.

Михайловский был и одним из главных социологов-философов народничества и одним из наиболее талантливых его публицистов и литературных критиков.

Как мы уже отмечали выше — в связи с вопросом об отношении В. И. Ленина к П. Л. Лаврову — Ленин подверг в ряде своих трудов, начиная с работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (ее первый выпуск был посвящен преимущественно Михайловскому), критике всю систему теоретических взглядов Михайловского.

При этом имелись в виду отнюдь не только выступления Михайловского, современные Ленину, но и его предшествующая деятельность. В. И. Ленин писал о таких произведениях Михайловского, как «Что такое прогресс?» (первая его крупная теоретическая работа, принадлежащая к важнейшим попыткам теоретического обоснования народничества), серия «Записки профана», статья «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» и т. д.

В. И. Ленин решительно вскрывал несостоятельность субъективного метода в социологии, одним из основоположников которого в России был Михайловский. Он показал ненаучность постановки социологических проблем в работе «Что такое прогресс?». В своем труде «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» В. И. Ленин писал: «Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит

в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять „прогресс“ вообще вместо изучения конкретного „прогресса“ какой-нибудь конкретной общественной формации». ⁷³ Уже в своих ранних работах В. И. Ленин по существу высказал те теоретические положения, касающиеся оценки философско-социологического наследия Михайловского, которые впоследствии он в сжатом и обобщающем виде сформулировал в известной статье «Народники о Н. К. Михайловском» словами: «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми якобы „социалистической“ фразой. Такова его „формула прогресса“, его теория „борьбы за индивидуальность“ и пр.» ⁷⁴ Уже приводилось указание Ленина на шаг назад, сделанный Михайловским по сравнению с Чернышевским в области философии.

Критикуя социально-экономические взгляды Н. К. Михайловского, В. И. Ленин также учитывал не только его высказывания, относившиеся к 90-м годам, но и весь комплекс его суждений о путях экономического развития России, о роли различных ее социальных элементов. Некоторые исследователи творчества Михайловского, в первую очередь, конечно, из лагеря народников, ссылались на отличие его взглядов от «догматического» народничества, на присущие Михайловскому критические черты в отношении крайних народников, ультра-народников, как В. П. Воронцов и тем более, например, Юзов-Каблиц. Отличия, и весьма существенные, от какого-нибудь Юзова, разумеется, были, были отличия и от Воронцова. Михайловский не раз писал о том, что «невозможность» капитализма в России «далеко не абсолютная», и, быть может, «даже не совсем правильно называть ее невозможностью» (1883 г.). ⁷⁵ Несколькоми годами раньше он, говоря о том, что некапиталистический путь развития России «остается» в его глазах «теоретическою возможностью», прибавлял, что «она убывает,

⁷³ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества... стр. 432. Впоследствии, конспектируя книгу Фейербаха «Лекции о сущности религии», приведя из Фейербаха цитату: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, а — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек», — Ленин указал, что идеал Михайловского (он был выражен в работе Михайловского «Что такое прогресс?») — «лишь вульгаризированное повторение этого идеала передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» (Философские тетради. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 56).

⁷⁴ В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 334—335.

⁷⁵ Н. К. Михайловский, Соч., т. V, СПб., 1897, стлб. 782.

можно сказать, с каждым днем». ⁷⁶ В. И. Ленин в «Экономическом содержании народничества» привел вторую часть этой мысли и пояснил: «Убывает, конечно, не „возможность“, которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают». ⁷⁷ Но Ленин настаивал на том, что различия социально-экономических воззрений Михайловского и Воронцова не следует переоценивать. В 1901 г., в своих замечаниях на рукопись Д. Рязанова «Две правды», В. И. Ленин указывал: «Подчеркивая, что Михайловский выступал против В. В. (В. П. Воронцова, — Ш. Л.) и не говоря о том, что Михайловский гораздо чаще и гораздо больше был с В. В. солидарен, автор подкрашивает Михайловского» ⁷⁸ (расхождения между Михайловским и народниками типа «В. В.» глубже и серьезнее были в сфере чисто политических вопросов).

Важно отметить, что при всех колебаниях и противоречивых суждениях Михайловского относительно путей и перспектив социально-экономического развития России народнические иллюзии у него всегда в конце концов перевешивали. Например, в цитированной статье 1883 г., выражая некоторое несогласие с Воронцовым, он тем не менее писал: «Без сомнения, наш капитализм находится еще в зачаточном состоянии, и в данный исторический момент мы можем с сравнительно большим удобством выбирать характер своей экономической политики». ⁷⁹ Ленин выражал прямо негодование по поводу заявления Михайловского: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создавать их», ⁸⁰ указывал на широкое распространение деревенского пролетариата.

В своих утопических планах предотвращения победы капиталистического пути Н. К. Михайловский отводил исключительную роль интеллигенции. Он писал в конце 1881 г.: «... задача русской интеллигенции, между прочим, в том именно и состоит, чтобы бороться с развитием буржуазии на русской почве, что, конечно, не исключает других задач» ⁸¹ (под «другими задачами», конечно, подразумевались задачи

⁷⁶ Н. К. Михайловский. Литературные заметки. «Отечественные записки», 1880, № 9, 2-й отд., стр. 135.

⁷⁷ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 427.

⁷⁸ В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 402.

⁷⁹ Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 782.

⁸⁰ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 199.

⁸¹ Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 515.

борьбы с самодержавием). А в январе следующего года он заявлял: «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова — и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания — и народ будет наверно съеден».⁸²

В. И. Ленин подобную идею о «всемогуществе» интеллигенции объявлял «нелепой».⁸³ Позднее он продолжал свою критику «стародавнего» народнического взгляда на интеллигенцию, «которая будто бы в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества».⁸⁴

Какие бы оговорки ни делались Михайловским, прав был М. С. Ольминский, когда писал, что Михайловский «умалил» паучиность капитализма в России, «закрывал глаза на то, что есть, и вопрос о факте превращал в вопрос о желательном или о должном».⁸⁵

В то же время В. И. Ленин и в 90-х годах (когда, надо заметить, вне крайне тесного круга посвященных единомышленников, к которому, разумеется, не принадлежал Ленин, не было известно о нелегальных связях и нелегальной деятельности Михайловского в 70—80-х годах) разграничивал прежнего Михайловского и Михайловского, активно воюющего с марксизмом вообще, а с русскими учениками Маркса в особенности. Ленин неоднократно останавливался на различиях в тоне и в оценках Маркса у Михайловского в 70-х и в 90-х годах. Выступления Михайловского в 1872 г., в связи с выходом русского перевода первого тома «Капитала», и в 1877 г., когда Михайловский опубликовал свою статью «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского», В. И. Ленин определял как «приветствие Маркса» со стороны Михайловского.⁸⁶ О заметке Михайловского «По поводу русского издания книги К. Маркса» в «Отечественных записках» за апрель 1872 г. Ленин писал, что она «очень живо, бодро и свежо» написана и что в ней автор бурно протестовал «против предложения не обижать наших молодых либералов».⁸⁷ Статью против Ю. Г. Жуковского в «защиту» «Капитала» В. И. Ленин также определенно противопоставлял выступлениям Михайловского 90-х годов,

⁸² Н. К. Михайловский, Соч., т. V, стлб. 566.

⁸³ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 441.

⁸⁴ В. И. Ленин. От народничества к марксизму. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 192.

⁸⁵ М. Ольминский. Золотой век народничества и марксизм. В кн.: М. Ольминский. Из прошлого. Изд. 2-е. М., 1922, стр. 53.

⁸⁶ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 183.

⁸⁷ Там же, стр. 265.

в которых, как указывал много раз Ленин, Михайловский извращал и теорию Маркса, и идеи русских марксистов.⁸⁸

Ленин задавался вопросом о причинах этой перемены и объяснение ее дал в работе «Что такое „друзья народа“»: «Случилось два обстоятельства: во-первых, русский, крестьянский социализм 70-х годов, „фыркавший“ на свободу ради ее буржуазности, борющийся с „яснолобыми либералами“, усиленно замазывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает „бодрящие впечатления“ в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обуславливаются) массовой экспроприацией крестьянства. — Во-вторых, в 1877 г. г-н Михайловский так увлекался своей задачей — защитить „сангвиника“ (т. е. социалиста революционера) Маркса от либеральных критиков, что не заметил несовместимости метода Маркса с его собственным методом. Но вот разъяснили ему это непримиримое противоречие между диалектическим материализмом и субъективной социологией — разъяснили статьи и книги Энгельса, разъяснили русские социал-демократы (у Плеханова не раз встречаются очень меткие замечания по адресу г. Михайловского), — и г. Михайловский вместо того, чтобы серьезно приняться за пересмотр вопроса, просто-напросто закусил удила».⁸⁹

В статье «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин затронул и еще один вопрос, связанный с Михайловским. Ленин не без сочувствия принял слова Струве о различии между Н. К. Михайловским и С. Н. Южаковым, считая это различие характерным «для народничества вообще». Струве назвал Южакова националистом в отличие от Михайловского, для которого, по его (Михайловского) собственным словам, «вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира». «Мне кажется, — замечал Ленин, — что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя, который является элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессознательно удачному выражению г. Южакова, „дифференцироваться от общества“, — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические

⁸⁸ Там же, стр. 189.

⁸⁹ Там же, стр. 183.

черты доктрины — с реакционными, вызывающими сочувствие „Московских ведомостей“». ⁹⁰ Струве приводил цитату из статьи Южакова «Вопросы гегемонии в конце XIX века», напечатанной в «Русской мысли» в 1885 г., и находил, что она «документирует» славянофильские корни народничества. ⁹¹ В. И. Ленин, возражая на доводы Струве, высказал те мысли о славянофильстве и народничестве, на которых мы уже останавливались. При этом он подчеркивал, что среди народников «были писатели (и это были лучшие из народников), которые... не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия всгупила на тот же путь, что и Западная Европа». ⁹² В последней фразе В. И. Ленин в отношении Михайловского мог иметь в виду первую ее часть (отношение к славянофильству), но не вторую. Однако «отражение» в общем прогрессивных элементов народничества в деятельности Михайловского периода «Отечественных записок» (высказывание Михайловского Струве взял именно оттуда), бесспорно, на наш взгляд, признается здесь В. И. Лениным.

Заметим в этой связи, что многое в деятельности Н. К. Михайловского как одного из руководящих представителей «Отечественных записок», их ведущего публициста и критика, положительно оценивалось по крайней мере частью ранних русских марксистов. Характерны обращенные к Михайловскому слова Н. Е. Федосеева (в одном из полемических его писем к народническому лидеру от февраля 1895 г. из сольвычегодской ссылки): «Куда погрузились Вы, прежний умный, отзывчивый, столь дорогой нам публицист „Отечественных записок“, близкий сотрудник Щедрина?!» ⁹³

⁹⁰ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 419.

⁹¹ П. Б. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России, вып. I. СПб., 1894, стр. 16—18.

⁹² В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества..., стр. 422.

⁹³ Н. Федосеев, Статьи и письма, М., 1958, стр. 159. В начале своей полемики в письмах с Михайловским Федосеев писал (март 1894 г.): «...Вы говорите, что мы „попираем отцовские идеалы“. Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретянами и нравственными Квазимодо, чтоб „попирать“ идеалы Белянского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского! Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей, мы рекомендуем и даем их читать всем тем, кто просит у нас указаний относительно чтения в определенном смысле... (в другом месте этого письма Федосеев сообщал, что марксисты усердно рекомендуют просищим литературные произведения Михайловского вообще и статьи о графе Л. Толстом и толстовцах в частности, — Ш. Л.). Но что ж

Сам Михайловский крайне дорожил «Отечественными записками» как демократической трибуной, с которой он мог разговаривать регулярно с читательской массой. Об этом он писал еще в 1873 г. П. Л. Лаврову в ответ на предложение присоединиться к последнему в деле издания «Вперед!». Отказываясь эмигрировать, он, между прочим, ссылался на положение, которое ему обеспечено в «Отечественных записках», от которого он не откажется «ни за что в мире»⁹⁴ (в 1884 г. правительство, закрыв «Отечественные записки», этого положения, как известно, его лишило).

Но наступило время, когда Михайловский, в первой половине 70-х годов, хотя и связанный духовно в той или иной мере с народническим революционным движением, стоявший от революционной молодежи, говоря словами О. В. Аптекмана, «несколько поодаль»,⁹⁵ — пошел на прямое сближение с нею. После его нелегального «Летучего листка», выпущенного весной 1878 г. в связи с процессом Веры Засулич, Михайловский с образованием партии «Народной воли» вступил с нею в довольно тесную связь, входил одно время в редакцию ее печатного органа, опубликовал в нем, между прочим, свои известные «Политические письма социалиста». В одном из номеров «Листка „Народной воли“», летом 1880 г., была Михайловским опубликована статья (конечно, анонимно) с острой разоблачительной характеристикой «диктатуры» Лорис-Меликова; об этой статье в 1901 г. вполне одобрительно отзывался В. И. Ленин.⁹⁶

нам делать, когда „отцы“ или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?» (там же, стр. 120, 131).

⁹⁴ Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб., 1913, стлб. 65. — Вера Фигнер впоследствии (1929 г.) говорила: «Он был прав, когда отказался от предложения Лаврова участвовать в редакции нелегального революционного органа за границей, не желая потерять свою обширную аудиторию: восемь, а потом двенадцать тысяч подписчиков „Отечественных записок“» (Полн. собр. соч., т. V, М., 1932, стр. 475).

⁹⁵ О. В. Аптекман. «Черный передел». (Страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов). В кн.: Памятники агитационной литературы, т. I. Черный передел. Орган социалистов-федералистов 1880—1881 гг. М.—Пгр., 1923, стр. 20.

⁹⁶ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 42. Дальнейшие моменты нелегальной деятельности Михайловского связаны с изданием (за рубежом) журнала «Самоуправление» в конце 80-х годов, отчасти с «Группой народолюбцев» начала 90-х годов, в большей степени с «народоправцами» 1893—1894 гг. (об оценке их В. И. Лениным см. ниже); на рубеже 90-х и 900-х годов он имел

Отмеченную сейчас сторону политической биографии Н. К. Михайловского, которая более или менее полно (хотя и не до конца) раскрылась для общества после смерти Михайловского в 1904 г., очень ценил В. И. Ленин. Продолжая в разное время критиковать идеи Михайловского, по ходу своей принципиальной борьбы с неонародническими течениями начала XX в., продолжавшими по-разному традиции Михайловского, В. И. Ленин в начале 1914 г., когда по случаю десятилетия со дня смерти Михайловского в народнической и либерально-буржуазной прессе появилась о нем, по словам Ленина, масса «хвалебных статей»,⁹⁷ опубликовал замечательную статью «Народники о Н. К. Михайловском» (в органе большевиков «Путь Правды»).

Здесь, на основе всего комплекса материалов — и всего литературного наследия Михайловского, и ставших к тому времени доступными историко-биографических данных о нем — В. И. Ленин дал яркую итоговую, обобщающую характеристику и оценку его деятельности, его места в истории общественной мысли и общественного движения. Мы уже выше использовали ряд положений ленинской статьи, освещающих теоретические взгляды Михайловского.

В. И. Ленин писал в статье «Народники о Н. К. Михайловском»: «Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века». Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было, по словам Ленина, то, что он «горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян», что он «энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета». Ленин указывал на «искреннюю и талантливую» борьбу Михайловского и с крепостничеством, и с «бюрократией» (Ленин просил «извинить» за «неточное» слово — цензурные рамки мешали сказать: с самодержавием). Ленин особо отмечал ту заслугу Михайловского, что он в легальной печати, хотя бы намеками, отстаивал уважение к «подполью» и «даже сам помогал прямо этому подполью». Ленин об этом говорил даже дважды в своей

то или явное отношение к возрождению левого народничества в лице партии эсеров. Все эти связи и отношения оставались строго законспирированными.

⁹⁷ Особенное, судя по всему, внимание В. И. Ленина было привлечено к юбилейному «Памяти Н. К. Михайловского» номеру легальной народнической газеты «Верная мысль» (от 29 января 1914 г.) со статьями Н. Ракитникова, Е. Колосова, К. Тарасова (Н. Русанова), Иванова-Разумника и др.

статье и подчеркивал: «В наше время бесстыдного и часто ренегатского отношения к подполью со стороны не только либералов, но и ликвидаторов, как народнических («Русское богатство»), так и марксистских, нельзя не помянуть добрым словом этой заслуги Михайловского».

«Но, — писал В. И. Ленин, — будучи горячим сторонником свободы⁹⁸ и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения». Вслед за этим Ленин слова, как много раз прежде, вскрывал глубокую ошибочность «социализма» Михайловского, его экономических, философских, социологических взглядов. Он отмечал также политические «колебания» Михайловского «к либерализму», указывал, что отчасти на Михайловского можно возложить ответственность и за оппортунизм «социал-кадетов», как он выразился, т. е. группы «Русского богатства», группы Пешехонова, Мякотина и других, которая перешла «к ликвидаторству» вскоре после смерти Михайловского, возглавлявшего, как известно, с начала 90-х годов и до конца жизни «Русское богатство».

В. И. Ленин заканчивал свою статью «Народники о Н. К. Михайловском» словами: «Буржуазная демократия России, т. е. в первую голову крестьянство, колеблется между либеральными буржуа и пролетариатом не случайно, а в силу своего классового положения. Дело рабочих — высвободить крестьянство из-под влияния либералов, беспощадно борясь с „народническими“ учениями».⁹⁹ Так, подобно статье, почти за два года до того написанной, — «Памяти Герцена», работа «Народники о Н. К. Михайловском» связывала уроки прошлого с задачами настоящего, учила правильной революционно-марксистской постановке и решению важнейших политических и теоретических проблем современности.

III

В. И. Ленин освещает не только общую теорию народничества, он не только оценивает видных идеологов народничества. В его произведениях можно найти характеристику различных этапов движения революционных народников 70-х годов, а также отдельных народнических групп и организаций.

⁹⁸ Заметим, что Михайловский в числе первых среди народников 70-х годов расстался с аподитическими тенденциями и стал призывать к активной политической борьбе.

⁹⁹ В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском, стр. 333—337.

Самая ранняя из связанных с движением 70-х годов групп, о которой упоминает В. И. Ленин,—это та группа, которая основала Русскую секцию I Интернационала в Швейцарии. О ней имеется упоминание в труде Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Критикуя статью уже весьма правого в то время народника С. Н. Кривенко «По поводу культурных одиночек» и идеализацию им так называемых малых дел, узких практиков в области сельского хозяйства, Ленин писал об одном расписанном у Кривенко эпизоде: «Если мы подведем расчет, то окажется, что описанные события относятся к 1869—1870 гг., т. е. как раз к тому приблизительно времени, к которому относятся попытки русских социалистов-народников перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность „европейского устройства“ — Интернационал».¹ Имеются все основания предполагать, что Ленин имел в виду именно попытку создания Русской секции, представительство которой при Генеральном совете Интернационала, как известно, согласился принять на себя Маркс. По самому поводу, вызвавшему упоминание здесь этой группы, Ленину не было необходимости вдаваться в подробности, но заслуживает внимания тот факт, что Ленин безоговорочно отнес ее участников к социалистам-народникам.

У Ленина нет высказываний специально о деятельности групп или кружков «чайковцев», выполнивших столь видную роль в революционно-народническом движении в начале 70-х годов. Но можно считать, что общие соображения Ленина по поводу народников в пору «хождения в народ» относятся так или иначе и к «чайковцам», сыгравшим выдающуюся роль в подготовке этого «хождения», а также (поскольку идет речь об уцелевших от полицейского разгрома лицах) и в самом «хождении».²

В. И. Ленин упоминает, как мы уже отмечали, бакунистов и бунтарей. Он писал, при случае, и о лавристах. В период I Государственной думы, споря с Г. В. Плехановым о тактике социал-демократии и отвечая, в частности, на более чем странное сравнение Плехановым большевиков с не-

¹ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Поли. собр. соч., т. 1, стр. 287.

² Мы понимаем здесь под «хождением в народ» движение в деревню, в крестьянство, как понимал это Ленин. Своеобразной формой «хождения» можно, однако, считать и деятельность народников в городе среди рабочих. Этой деятельностью широко занимались «чайковцы» в Петербурге и некоторых других городах на протяжении нескольких лет.

мецкими «истинными социалистами», против которых когда-то боролся Маркс, Ленин писал: «„Истинные социалисты“ нечто вроде мирных лавристов, полукультурники, неревольюционеры, герои мудреных рассуждений и отвлеченной проповеди».³ Некоторые элементы этой характеристики могут быть приложены к лавристам вообще, но, взятая целиком, она скорее всего имела в виду поздних «лавристов» — тех, кого Плеханов, непосредственно с ними сталкивавшийся в свой народнический период, именовал «лавристами времен упадка» и от солидарности с которыми по ряду причин отрекался сам П. Л. Лавров.⁴

В. И. Ленин неоднократно касался «хождения в народ». Известно, что это понятие и в смысле своего содержания, и, главное, в отношении своих хронологических рамок вызвало и вызывает расхождения среди историков. Впервые лозунг «хождения в народ» с революционными целями был брошен в «Колоколе» Герцена и Огарева в 1861 г., а по существу выдвигался еще несколько раньше в «Современнике» Чернышевского и Добролюбова. Попытки революционного сближения интеллигенции с крестьянством предпринимались не раз в течение 60-х годов, в конце которых призыв идти в народ с новой силой прозвучал у Бакунина.

В. И. Ленин писал о «хождении в народ» семидесятников. При этом он, по нашему убеждению, имел в виду не одно лишь движение революционной молодежи (для возбуждения ли народа к восстанию, для пропаганды в его среде, для изучения, наконец, народа, ознакомления с его бытом и настроениями — смотря по «фракционной» принадлежности «хожденцев») и не только в 1874—1875 (или 1873—1875) гг., к которому современники и ближайшие потомки обычно приурочивали понятие «хождения в народ», но всю совокупность революционных начинаний семидесятников, направленных на развертывание пропаганды и агитации, на организацию открытых выступлений, «бунтов» и в конечном счете всеобщего восстания в крестьянстве.

В работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин писал, что народник 70-х годов «шел в народ» искать «залогов будущего» у самих непосредственных про-

³ В. И. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии? Полн. собр. соч., т. 13, стр. 154.

⁴ Г. В. Плеханов. Предисловие к русскому изданию книги А. Туна «История революционных движений в России». Соч., т. XXIV, М.—Л., 1927, стр. 88. Интересно, что в этом предисловии сам Плеханов находил этих «лавристов» похожими на «истинных» социалистов в Германии 40-х годов XIX в.

изводителей.⁵ В той же работе, указывая на то, что он отличает «старое» и «современное» народничество, В. И. Ленин в особой сноске отмечал, что под «старыми народниками» он понимает «не тех, кто двигал, например, „Отечественные записки“, а тех именно, кто „шел в народ“».⁶

Касаясь причин «хождения в народ», В. И. Ленин связывал их с основными убеждениями революционных народников. В работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» Ленин писал: «Вера в коммунистические инстинкты мужика, естественно, требовала от социалистов, чтобы они отодвинули политику и „шли в народ“». Тех, кто взялись за «осуществление этой программы» (т. е. по существу за подготовку крестьянской социалистической революции против основ существующего общества), Ленин определял как массу «энергичнейших и талантливых работников» (мы знаем, что среди них были такие выдающиеся революционеры, как Кравчинский, Клеменц, Войнаральский, Ковалюк, Морозов и множество других на этапе середины 70-х годов, а на более позднем — Александр Михайлов, Плеханов, Вера Фигнер, Квятковский и т. д.). В. И. Ленин говорит и о причинах неудачи движения. Он видит основную причину ее в ошибочности самих надежд и расчетов участников. Им «на практике пришлось убедиться в наивности представления о коммунистических

⁵ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 455.

⁶ Там же, стр. 413. Из этого примечания не следует делать вывода, что В. И. Ленин совершенно «отмежевывал» деятелей главного легального органа русской демократии той эпохи от революционеров, участвовавших в «хождении в народ». Вопрос об отношении того или другого из ведущих работников «Отечественных записок» к движению в народ и до сих пор, несмотря на накопленный о них наукой большой материал, остается не всегда достаточно выясненным. В частности, он не до конца ясен по отношению к Н. К. Михайловскому. Но нет сомнения, что вся в целом проповедь «Отечественных записок» (и в публицистическом, и в литературно-художественном, и в других разделах журнала) оказывала большое влияние на молодую радикальную интеллигенцию и может быть смело причислена к тем идейным факторам, которые подготовляли «хождение в народ». Вместе с тем нельзя упускать из виду, что состав сотрудников журнала был сравнительно пестрым, что в статьях и его наиболее левых сотрудников встречалось немало противоречий, что в нем наряду с революционными пробивались и либерально-народнические тенденции (подчас это имело место у одних и тех же авторов и даже в одних и тех же статьях). Наконец, в журнал попадали и статьи просто либеральных авторов, а с другой стороны, были в числе авторов люди демократических настроений без ярко и последовательно выраженных народнических устремлений в тесном смысле слова.

инстинктах мужика». Впрочем, как указывает Ленин, сами участники «хождения в народ» смотрели еще на дело иначе. Революционеры решили, что «дело не в мужике, а в правительстве,— и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только интеллигенты и примыкавшие иногда к ним *рабочие*».⁷ Последнее замечание Ленина, конечно, надо понимать не в том смысле, что «хождение в народ» не было делом интеллигенции (и в какой-то мере отдельных рабочих), а в том, что большинством революционеров были оставлены надежды на восстание в непосредственном будущем крестьянства.

Почти через двадцать лет в статье «О народничестве» В. И. Ленин высказал убеждение, что «хождение в народ» (в крестьянство, как пояснял Ленин) революционеров 70-х годов было расцветом «действенного народничества».⁸ Мы понимаем слово «действенное» как синоним понятия «революционное, активное народничество».⁹

⁷ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 286.

⁸ В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

⁹ Мы не считаем убедительными попытки какого-либо принципиального разграничения в данном случае понятий «действенное» и «революционное». По мнению, например, Б. С. Итенберга понятие «действенное» «шире, объемнее, активнее обычного определения революционности... термином „действенное“ Ленин усиливал понятие революционности» (Б. С. Итенберг. Движение революционного народничества. М., 1965, стр. 24—25). Нам не вполне ясно, что вкладывается автором в «обычное определение революционности». Революционности без активности (действенности) для Ленина не существовало никогда. Конечно, когда Ленин употреблял рядом, вместе оба слова, он усиливал их эмоциональное звучание. Так, в статье «Карл Маркс», написанной несколько позже, Ленин писал: «После падения Парижской Коммуны (1871), которую так глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно оценил Маркс...» (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49). В статье «О народничестве» в той фразе, о которой идет речь, слово «революционеров» уже было и повторение производного от него слова было бы даже стилистически неудобно. Надо учесть и то, что о «действенности» народничества в смысле именно «революционности», конечно активной революционности (какая же еще?), в те годы не раз писалось в литературе. Например, в рецензии на книгу В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесяти годов» старый народник-революционер Н. Геккер писал: «Активное народничество есть народничество революционное, „действенное“, не ограничивающееся одной пропагандой и агитацией, а ведущее народ к фактическим переменам в общественном строе путем восстания и переворота» («Северные записки», 1913, № 2, стр. 170); кстати, это писано примерно в одно время со статьей Ленина. Мы не видим поэтому достаточных оснований для выделения какого-то особого этапа действительного народничества в отличие от революционного и внутри революционного. Полагаем, что у В. И. Ленина не было такого намерения.

«Массовое» (вовлекшее много сотен революционеров) «хождение в народ» 1874 г., продолжавшееся частично и в 1875 г., явилось знаменательным событием в истории русской демократической интеллигенции и входит важным составным элементом в тот «расцвет» народничества, о котором писал В. И. Ленин. Но оно не оправдало и в малой степени тех ожиданий, которые с ним связывали его участники. Разочарования привели к анализу, к попыткам пересмотра вопросов тактики и организации; он фактически затронул и область программы. Тогда-то, около 1876 г., и оформилось господствовавшее потом несколько лет течение, которое сами инициаторы назвали «народническим» (слово бытовало и раньше, довольно давно, но прежде не имело еще столь четкого смысла определенной системы программных, тактических и организационных воззрений). Во главе этого обновленного в определенной степени комплекса взглядов и связанной с ними практической деятельности находилось в 1876—1879 гг. тайное революционное общество «Земля и воля» (основатели и видные участники — Марк и Ольга Натансон, Александр Михайлов, Плеханов, Квятковский, Аптекман, Оболенев и др., позже также Кравчинский, Клеменц, Морозов, Перовская и т. д.).

О том, как смотрел В. И. Ленин на вторую «Землю и волю» (первая действовала в 60-х годах), мы говорили выше. В широком понимании термина «хождение в народ» он охватывает и деревенскую практику землеольцев, их «поселения» в народе.

Известны разочарования, испытанные большинством революционеров и на этом этапе, — в новых попытках расшевелить и вызвать на активную и широкую борьбу крестьянство. Это разочарование наряду с некоторыми другими факторами послужило источником кризиса в «Земле и воле» в конце 70-х годов, который завершился летом 1879 г. открытым ее расколом на две организации: «Народную волю» и «Черный передел».

В. И. Ленину мало пришлось писать о «Черном переделе». Это связано, на наш взгляд, с тем, что идейно руководящая группа чернопередельцев (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич и др.) на протяжении ближайших лет эволюционировала от народничества к марксизму и заложила первые основы русской социал-демократии. Их деятельность в качестве марксистов, очевидно, заслонила в глазах В. И. Ленина чернопередельческую полосу их революционной работы. Ленин однажды упоминает (в «Что делать?») о самом факте раскола «Земли и воли» на народоольцев и чернопередельцев. Позднее, в предисловии к русскому переводу книги «Письма

И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», В. И. Ленин, комментируя письмо Маркса к Зорге от ноября 1880 г., указал, что Маркс стал на сторону народовольцев, а также что Марксом были верно «схвачены» во взглядах чернопередельцев анархические элементы. Ленин цитирует резкую оценку чернопередельцев в письме Маркса, отмечая при этом, что Маркс не имел «возможности знать тогда о грядущей эволюции чернопередельцев-народников в социал-демократов».¹⁰

О «Народной воле» В. И. Ленин писал больше, чем о какой-либо другой из старых (XIX в.) народнических организаций. Объясняется это тем, что проблема народовольчества в эпоху деятельности Ленина (главным образом в начальные периоды этой деятельности) сохраняла определенную актуальность. Народовольческие группы и кружки существовали и проявляли себя на политической арене в 90-х годах XIX в., а с рубежа XIX—XX вв. наследниками старой «Народной воли» объявили себя «социалисты-революционеры» (эсеры). Социал-демократии важно было установить свое отношение к традициям народовольчества.

А. И. Елизарова, известная деятельница Коммунистической партии, старшая сестра В. И. Ленина, писала в 1922 г. в рецензии на первую часть «Запечатленного труда» Веры Фигнер: «Основные положения наших и народовольцев глубоко различны. Но у них мы заимствовали опыт относительно роли политики в революционной борьбе, роли организации как необходимого условия успешной борьбы. Молодые революционеры нашего направления учились у них самоотверженности и стойкости борьбы».¹¹

Конечно, о роли «политики» Ленин и революционные социал-демократы знали далеко не только по опыту народовольцев; это же можно сказать и о других моментах, отмечаемых А. И. Елизаровой. Но бесспорно, что, в частности, традиции «Народной воли» в указанных смыслах имели свое значение, тем более что «наследие» «Народной воли» было наиболее близким по времени — народовольцы были (как, впрочем, и чернопередельцы) хронологически самыми непосредственными предшественниками молодого, выступившего в конце XIX в., революционного поколения.

В Заключении своей книги «Что делать?» В. И. Ленин, говоря о периоде «детства и отрочества» русской социал-демо-

¹⁰ В. И. Ленин. Предисловие к русскому переводу книги «Письма И. Ф. Беккера, И. Диггена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.». Полн. собр. соч., т. 15, стр. 247—248.

¹¹ «Пролетарская революция», 1922, № 9, стр. 285—286.

кратии (так он обозначил 1894—1898 гг.) и указывая, что большинство руководителей в это время составляли совсем молодые люди, заявлял: «Многие из них начинали революционно мыслить, как народovolьцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой героической традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными „Народной воле“ и которых молодые социал-демократы высоко уважали».¹² Борьба заставляла учиться, идейно закаляла; воспитанные на ней социал-демократы шли в рабочее движение, сохраняя всю верность теории марксизма и задаче низвержения самодержавия.

Эта задача была завещана русским социал-демократам предшествующим развитием революционного движения.

В конце 1900 г. в программной статье первого номера «Искры» В. И. Ленин писал: «История всего русского социализма привела к тому, что самой его насущной задачей оказалась борьба против самодержавного правительства, завоевание политической свободы; наше социалистическое движение концентрировалось, так сказать, на борьбе с самодержавием».¹³

В ближайший перед зарождением русской социал-демократии исторический период эта «концентрированность» ярко проявилась в деятельности «Народной воли». Именно вопрос о политической борьбе, борьбе за свободу, вместе со связанными с ним тогда тесно вопросами о терроре и об агитации в народе, был той осью, вокруг которой вращались внутренние споры среди народников накануне и во время раскола «Земли и воли». Народовольцы, как писал В. И. Ленин (мы уже это место цитировали),¹⁴ сделали шаг вперед тем, что перешли к политической борьбе, но не смогли связать ее с социализмом. По основным своим социально-экономическим взглядам народовольцы остались на позициях народничества. Притом для многих народовольцев политическая борьба была как бы вынужденной уступкой требованиям времени, момента. Позже об этих народовольцах писал Г. В. Плеханов, что они, будучи не в состоянии «теоретически справиться с Бакуниным и с народничеством», признали «политику» как «неизбежное зло».¹⁵

В «Народной воле» имели место существенные оттенки мнений по ряду вопросов. Переворот, о котором они мечтали и

¹² В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180—181.

¹³ В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 373—374.

¹⁴ В. И. Ленин. Рабочая и буржуазная демократия. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 179.

¹⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XIV, М., 1925, стр. 330.

к которому стремились, не всем им представлялся одинаково. Но широко были распространены планы захвата власти и одновременного политического и «социального» (т. е. социалистического) переворота.

В 1902 г. В. И. Ленин, отмечая тот факт, что «старые русские революционеры» не обращали серьезного внимания на вопрос о республике, говорит, между прочим, и о народовольцах, — что они «хотели прыгнуть прямо от самодержавия к социалистической революции». ¹⁶ Еще значительно раньше, в труде, посвященном борьбе с «друзьями народа», Ленин, имея в виду «Народную волю», указывал, что у нее был расчет «простым захватом власти» совершить «не политическую только, а и социальную революцию». ¹⁷ А в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» Ленин «специфически „народовольческий“» переворот разъяснял как «переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти» (в этой же статье Ленин, впрочем, напоминает и о письме Исполнительного комитета «Народной воли» после убийства Александра II, в котором нашел отражение другой вариант — предъявлялась Александру III альтернатива: или продолжение прежней революционной борьбы, или отречение от самодержавного порядка — политическая амнистия и созыв народного собрания при всеобщем избирательном праве и обеспечении свобод). ¹⁸

Народовольческую мысль о захвате власти при существовавших в то время условиях В. И. Ленин расценивал как утопию, так же как уверенность народovolьцев в возможности обеспечить девяносто процентов крестьян-социалистов в будущем учредительном собрании. По поводу последнего пункта Ленин писал в начале 1905 г. в первом органе большевиков «Вперед»: «Когда народovolьцы... уверяли себя и других, что 90 проц. крестьян в будущем русском учредительном собрании будут социалистами, они попадали этим в ложное положение, неминуемо долженствующее привести их к безвозвратной политической гибели, ибо эти „обещания и уверения“ не соответствовали объективной действительности. На деле они проводили бы интересы буржуазной демократии...». ¹⁹ Несостоятель-

¹⁶ В. И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 319.

¹⁷ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 286.

¹⁸ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 56—57.

¹⁹ В. И. Ленин. Социал-демократия и временное революционное правительство. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 6. Слова «обещания и уве-

ность народофильской идеи захвата власти В. И. Ленин вскрывал также в период первой русской революции. Споря с Г. В. Плехановым на IV (Объединительном) съезде РСДРП по аграрному вопросу, отвечая на то, что Плеханов увидел в ленинском проекте аграрной программы идею захвата власти, В. И. Ленин говорил: «... идея захвата власти революционным крестьянством действительно имеется в моем проекте аграрной программы, но сводить эту идею к народофильской идее захвата власти есть величайшая ошибка. В 70-х и 80-х годах, когда идея захвата власти культивировалась народофильцами, они представляли из себя группу интеллигентов, а на деле сколько-нибудь широкого, действительно массового революционного движения не было. Захват власти был пожеланием или фразой горсточки интеллигентов, а не неизбежным дальнейшим шагом развивающегося уже массового движения».

Указывая на события октября—декабря 1905 г., Ленин заявлял: «... теперь сводить мысль о завоевании политической власти революционным народом к народофильству значит запаздывать на целых 25 лет, значит вычеркивать из истории России целый громадный период... Аграрная революция есть пустая фраза, если ее победа не предполагает завоевания власти революционным народом».²⁰ Напомним, что на утопизм народофильской идеи захвата власти Ленин указывал еще в заключении своей статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма», где, перечисляя «вредные иллюзии», от которых освободилось русское революционное движение, он отметил

рения» взяты из работы Энгельса «Крестьянская война в Германии», работы, на которую бесновательно ссылался меньшевик А. С. Мартынов (с ним полемизировал Ленин в названной статье). Ленин писал о Мартынове: он не понимает, что «суть мысли Энгельса состоит в указании на гибельность *непочинания* действительных исторических задач переворота, что слова Энгельса применимы, следовательно, к народофильцам и „социалистам-революционерам“» (там же, стр. 7). (Речь шла о смешении задач буржуазно-демократической и социалистической революций).

²⁰ В. И. Ленин. Заключительное слово по аграрному вопросу. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 365—366. Что касается давнишней (80-х годов) критики Плехановым народофильской теории «захвата власти» революционной партией, то Ленин к ней относился вполне одобрительно. Еще в 1899 г. в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» Ленин об этой теории писал: «Плеханов подверг ее беспощадной критике в своих сочинениях „Социализм и политическая борьба“ (1883 г.) и „Наша разпогласия“ (1885 г.) и указал русским революционерам их задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой должно быть низвержение абсолютизма» (Полн. собр. соч., т. 4, стр. 251).

теорию «захвата власти и единоборства с самодержавием германской интеллигенции».²¹

На известную преемственность по отношению к «Народной воле» в связи с проблемой политической борьбы с самодержавием было в 1898 г. указано в «Манифесте Российской социал-демократической рабочей партии», выпущенном от имени состоявшегося тогда I съезда партии. В следующем году, в «Протесте российских социал-демократов» против «экономистского» «среда», В. И. Ленин процитировал из «Манифеста» следующие слова: «Как движение и направление социалистическое, Российская социал-демократическая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой „Народной воли“». В «Манифесте» после этих слов говорилось: «Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». В. И. Ленин полнее, шире и глубже развил мысли, выраженные в приведенной им цитате из «Манифеста». Он писал: «Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время все свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой „Народной воли“ сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на убогость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой».²²

Опора на классовую борьбу пролетариата противопоставлялась В. И. Лениным представлениям народолюбцев о политической борьбе. В «Что делать?» Ленин писал: «Не в том состояла ошибка народолюбцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущ-

²¹ В. И. Ленин. Гонимые земства и Аннибалы либерализма, стр. 72.

²² В. И. Ленин. Протест российских социал-демократов. Полит. собр. соч., т. 4, стр. 176.

ности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества».²³ Социал-демократы, указывал В. И. Ленин в статье конца 900-х годов, воевали «против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству».²⁴ В программной статье «Искры» «Насущные задачи нашего движения» Ленин также говорил о борьбе социал-демократии с народовольцами, «которые понимали под „политикой“ деятельность, оторванную от рабочего движения, которые суживали политику до одной только заговорщической борьбы».²⁵ Выше, в связи с освещением отношения В. И. Ленина к П. Л. Лаврову, мы приводили его подробные высказывания из брошюры «Задачи русских социал-демократов», направленные против заговорщических, бланкистских традиций народовольчества.

Необходимо подчеркнуть, что борьба против заговорщичества отнюдь не была у Ленина связана с малейшей хотя бы недооценкой крепкой, конспиративной, боевой организации революционных социал-демократов. Ссылаясь именно на свою полемику с Лавровым, В. И. Ленин в «Что делать?» указывал: «Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против сужения политической борьбы до заговора, но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации». В брошюре «Задачи русских социал-демократов», как напоминал Ленин в «Что делать?», «обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла „прибегнуть“ для нанесения решительного удара абсолютизму“ и к „восстанию“ и ко всякому „другому приему атаки“».²⁶

Вполне естественным, конечно, является то внимание, которое В. И. Ленин уделял вопросу о политическом терроре, который занял исключительно большое место в тактике народовольцев, а потом, во времена Ленина, был возрожден эсерами.

В. И. Ленин касался происхождения террора семидесятников, указывал на стихийность его возникновения. В «Что делать?», полемизируя с Надеждиным-Зеленским, он писал: «Да, самого искреннего возмущения узостью,²⁷ самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще

²³ В. И. Ленин. Что делать? стр. 135.

²⁴ В. И. Ленин. Попытное направление в русской социал-демократии, стр. 266.

²⁵ В. И. Ленин. Насущные задачи нашего движения, стр. 372.

²⁶ В. И. Ленин. Что делать? стр. 135—136.

²⁷ Ленин перед этим говорил об узости, которой еще «придавлено» социал-демократическое движение. (Прим. Ред.).

недостаточно, если возмущающийся (в данном случае Надеждин, — *Ш. Л.*) носится без руля и без ветрил и так же „стихийно“, как и революционеры 70-х годов, хватается за „эксциративный террор“, за „аграрный террор“, за „набат“ и т. п.».²⁸ Через несколько лет, в начале 1906 г., Ленин, говоря о «старом» терроре в связи с оценкой партизанских выступлений периода первой русской революции, указывал: «Мы думаем, что сравнивать их с террором старого типа ошибочно. Террор был мстью отдельным лицам. Террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания».²⁹

В этих сжатых формулировках заключено важное и большое содержание. Террор семидесятников действительно начинался как мсть отдельным лицам, например выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова, убийство Сергеем Кравчинским шефа жандармов Мезенцова в 1878 г. Он разрастался стихийно, привлекая все новых сторонников и расширяя свои цели. «Позднее, — показывал после 1 марта 1881 г. Николай Кибальнич, — террористическая деятельность в глазах партии, и в том числе и меня, стала представляться не только как средство для наказания начальствующих лиц за их преследования социалистов, но и как орудие борьбы для достижения политического и экономического освобождения народа. Такой взгляд на террористическую деятельность можно считать окончательно установившимся летом 1879 г.»³⁰ Так террор органически слился с заговорщическими планами «интеллигентских групп», олицетворяемых партией «Народной воли». Помимо «логики» самой интеллигентской борьбы, нараставшего «накала» страстей, глубочайшего возмущения действиями правительства, в росте террористических настроений сказывалось именно разочарование в результатах деятельности

²⁸ В. И. Ленин. Что делать? стр. 166.

²⁹ Противопоставляя «старому» террору партизанские выступления, В. И. Ленин тут писал: «Партизанские действия боевых дружин (социал-демократических, — *Ш. Л.*)... несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом. Партизанские действия боевых дружин непосредственно готовят боевых руководителей масс. Партизанские действия боевых дружин теперь не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания» (Современное положение России и тактика рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180, 181).

³⁰ «Былое», 1918, № 4—5 (10—11), стр. 297.

революционеров в народе, резкое падение веры в возможность вызвать в ближайшее время народное восстание. Г. В. Плеханов, сам ближайший свидетель событий конца 70-х годов и активный их участник (хотя в лагере противников террора), писал: «Освобождение народа стало делом не самого народа, а небольшой группы заговорщиков. Тогдашние западноевропейские социалисты, с Марксом и Энгельсом во главе, видели в русском терроризме блестящее выражение *моуи* революционного движения в России. В действительности же терроризм был признаком *слабости* его. Русские революционеры возвели террор в систему только тогда, когда они *убедились в невозможности поднять немедленно крестьянскую массу на борьбу с государством*. Титаническая энергия террористов была поистине энергией отчаяния».³¹

Террор, следовательно, было бы неверно считать исторической случайностью. Он вырос из определенных особенностей обстановки того времени. Это все-таки не означает какой-то исторической фатальности террора. Недаром далеко не вся революционная интеллигенция была увлечена на этот путь: ряд видных деятелей, как например будущие основатели группы «Освобождение труда», восстали против этого увлечения, предупреждая о величайшей опасности этого пути для судеб самого русского революционного движения. И тут нельзя отнюдь сбрасывать со счета также такого субъективного обстоятельства, как предрасположенность значительной части революционной молодежи к крайней переоценке возможностей «личности», интеллигенции.³² Идеи Лаврова, Михайловского, Ткачева очень способствовали тому, что многие революционеры-семидесятники сравнительно легко и с большой верой в успех склонились к этому пути. На роль, в частности, Ткачева указывал в «Что делать?» В. И. Ленин, говоря о подготовленной «проповедью Ткачева» и осуществленной «посредством „устрашающего“ и действительно устрашавшего террора» попытке «захватить власть» (Ленин пишет тут, противопоставляя

³¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIV, стр. 177.

³² «Ни о каких субъективных ошибках народовольцев в данном случае (т. е. в вопросе о терроре, — Ш. Л.) не может быть и речи. Индивидуальный террор был навязан революционерам правительством», — очень категорически утверждает советский историк М. Г. Седов («Народная воля» перед судом истории. «Вопросы истории», 1965, № 12, стр. 48). Заметим, что один из участников «суда истории», Петр Струве, писал в 1903 г.: «Террор был всецело порожден „сильной“ правительственной властью, не имевшей никаких преград и не знавшей себе никакого удержу» («Освобождение», кн. 1, Штуттгарт, 1903, стр. 123). Этого объяснения и Струве, и Седова еще недостаточно, оно далеко не исчерпывающее.

Ткачева и Надеждина, что попытка народовольцев была «величественна», а террор «маленького Ткачева» — Надеждина «просто смешон»; оценку по существу народовольческой идеи захвата власти у Ленина см. выше).³³

Террор «увязывался» фактически с идеями могущественного влияния интеллигенции на ход истории, с той верой в эффективность «единоборства» интеллигенции с царизмом, которая отличала в принципе народовольчество. Напомним о письме Исполнительного комитета «Народной воли» к американскому народу от октября 1880 г. (за четыре месяца до 1 марта 1881 г.), где вожди народовольцев называли свою деятельность борьбой «между Деспотизмом и Интеллигенцией», в которой Деспотизм понес уже «несколько поражений».³⁴

В. И. Ленин достаточно ясно высказал свою точку зрения на идею единоборства. Открывая кампанию против новой партии «социалистов-революционеров», он в одной из статей, посвященных критике эсеров, указывал, что «на деле террор социалистов-революционеров является не чем иным, как *единоборством*, всецело осужденным опытом истории».³⁵ В написанной чуть позже статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин снова отрицательно отзывался о значении «теории поединка и единоборства».³⁶ В той же статье Ленин указывал на то, что «непригодность» террора «ясно доказана опытом русского революционного движения».³⁷

В конце того же 1902 г. В. И. Ленин в статье «Новые события и старые вопросы», напечатанной в «Искре», писал: «... вот вспыхивает в Ростове-на-Дону одна из самых обыкновенных и „будничных“, на первый взгляд, стачек и приводит к событиям, которые показывают воочию все нелепость и весь вред предпринятой соц.-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками». «Мы думаем, — заявлял он в этой статье, — что целой сотне цареубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интере-

³³ В. И. Ленин. Что делать? стр. 173.

³⁴ «Былое», 1917, № 1, стр. 52.

³⁵ В. И. Ленин. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 375.

³⁶ В. И. Ленин. Революционный авантюризм. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 386.

³⁷ Там же, стр. 380.

сами, — как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые „непочатые“ слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе». ³⁸

В 1904 г. эсеры совершили свой наиболее сенсационный террористический акт — им удалось убить одного из крупных и самых непавидимых в стране представителей царской администрации — тогдашнего министра внутренних дел В. К. Плеве. И вот, откликаясь на убийство Плеве в первой же статье первого номера органа большевиков «Вперед», В. И. Ленин писал: «И чем удачнее было это террористическое предприятие, тем ярче подтверждает оно опыт всей истории русского революционного движения, опыт, предостерегающий нас от таких приемов борьбы, как террор». Ленин снова подчеркивал, что террор «был и остается специфически интеллигентским способом борьбы». ³⁹ «Массовое движение в капиталистическом обществе, — писал он, — возможно лишь как классовое рабочее движение. Это движение... идет своим путем, становясь все глубже и шире, переходя от временного затишья к новому подъему. И только либеральная волна поднимается и спадает в тесной связи с настроением разных министров, смена которых ускоряется бомбами». ⁴⁰

Разумеется, В. И. Ленин не думал ставить полный знак равенства между террором народовольцев и эсеров. Политическая обстановка за четверть века, отделявшую первые покушения народовольцев от убийства эсерами Плеве, в громадной степени изменилась. Далеко вперед шагнуло развитие капитализма, а с ним и развитие российского пролетариата. Налицо в начале XX в. было весьма широкое движение рабочего класса, которого не было в конце 70-х — начале 80-х годов. Не стояло на месте и крестьянское движение. В этих условиях «непригодность» террора была особенно явной. Однако многие высказывания Ленина (мы привели часть из них) убедительно говорят о том, что его отрицание террора основывалось и на анализе прошлого. Ленин ссылаясь на весь опыт истории революционного движения, предостерегающий против террора. Сюда, конечно, относился в особенности опыт народовольческого террора. Ленин боролся против попыток реставрировать народовольчество со всеми его не только теоретическими, но и тактическими — или, как он писал в другом месте, практиче-

³⁸ В. И. Ленин. Новые события и старые вопросы. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 59, 60—61.

³⁹ В. И. Ленин. Самодержавие и пролетариат. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 129—130.

⁴⁰ Там же.

скими⁴¹ — ошибками. Он прямо выступал против тех, кто открывает настежь двери «для самых вредных старых ошибок», а также новых шатаний мысли, против тактики, усиливающей «оторванность революционеров от масс».⁴²

Для характеристики позиции В. И. Ленина отнюдь не безразличен также факт помещения в старой «Искре», кроме его собственных, ряда других статей, в которых давалась критическая оценка не только «нового», но и «старого» террора. Представляется полезным напомнить, например, о некоторых из статей Веры Засулич, члена редакция ленинской «Искры», кстати сказать, вставшей, как свидетельствует Н. К. Крупская, особенно близко из участников группы «Освобождения труда» к «Искре».⁴³ В одном из первых номеров «Искры» (№ 3, за апрель 1901 г.) в статье «По поводу современных событий» В. И. Засулич писала: «Террор, несомненно, очень волновал все жаждущее свободы русское общество, но это было пассивное волнение. . . Иной либеральный обыватель мог плакать от умиления перед геройством террористов, но его собственной жажды деятельности и способности к риску это не увеличивало. Между героями и им была пропасть. Действующими террористами, по самой сути дела, могли быть лишь очень немногие, исключительные по своей энергии, бесстрашию, конспиративной ловкости и опытности люди, а самая сила впечатления, производимого их делами, заставляла бледнеть и терять привлекательность все другие дела, начавшие казаться „пустяками“. Вся активность, вся энергия сосредоточилась в горсти героев, дух борьбы. . . находил исход лишь в сочувствии, в вере в „Исполнительный комитет“: он освободит».⁴⁴ Позднее, в 1903 г., полемизируя с органом эсеров «Революционная Россия», В. И. Засулич вспоминала свою прежнюю статью «Революционеры из буржуазной среды», опубликованную в 1890 г. в органе группы «Освобождение труда» «Социал-демократ». В той статье (Засулич это теперь вполне сочувственно повторяла) она заявляла, что вызванное террором настроение «исчерпывало, истощало нравственные силы интеллигенции». «Упадок движения в восьмидесятых годах, — писала она, — не

⁴¹ В. И. Ленин. О задачах социал-демократического движения. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 57.

⁴² Там же.

⁴³ «Она жила, — пишет Н. К. Крупская, — вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции „Искры“, ее радостями и горестями, жила вестями из России» (Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 251).

⁴⁴ «Искра», №№ 1—52. Полный текст под ред. и с пред. П. Лепшинского, вып. I. Л., 1925, стр. 66.

может быть приписан одной ловкости полиции — в нем играла несомненную роль нервная усталость самой интеллигенции».⁴⁵

Возвращаясь непосредственно к ленинским материалам, укажем на одну из резолюций совещания ЦК большевиков с партийными работниками 1913 г., где отмечалось, что партия эсеров продолжает отстаивать террор, «история которого в России совершенно оправдала с.д. критику этого метода борьбы и закончилась полным крахом».⁴⁶ В 1916 г., оценивая убийство Ф. Адлером австрийского премьер-министра Штюргка, В. И. Ленин писал: «... мы остаемся, разумеется, при нашем старом, подтвержденном опытом десятилетий убеждении, что индивидуальные террористические покушения являются *нецелесообразными* средствами политической борьбы».⁴⁷

В свете всего сказанного надо с большой осторожностью и обоснованным сомнением подходить к имеющему распространение толкованию одного места в III главе ленинской статьи «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (напомним ее дату — 1901 г.), где В. И. Ленин переходит к вопросам, связанным со второй революционной ситуацией в России на рубеже 70-х и 80-х годов. Ленин начинал главу с противопоставления либералам («политическим школярам») «задир» — революционеров. Последние, не удовлетворяясь «тактичностью» либералов, «шли с революционной проповедью в народ». «Несмотря на то, — продолжает В. И. Ленин, — что они шли под знаменем теории, которая была в сущности не революционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благо-

⁴⁵ Там же, вып. VI, Л., 1928, стр. 116. Отметим, что еще в № 4 «Искры» была помещена статья «Вопросы дня. Кое-что о терроре...» (ее автором был один из редакторов газеты Ю. Мартов), в которой сопоставлялись сходные взгляды эсеров и других современных защитников террора и народолюбцев по вопросу о сочетании террора с народным движением и говорилось: это «не мешало ее («Народной воли», — Ш. Л.) террору в силу внутренней логики, присущей этому средству борьбы, быть на деле отрицанием всякого народного движения» (там же, вып. I, стр. 79). Советская исследовательница «Народной воли» В. А. Твардовская справедливо рассматривает эту статью в качестве выражения общей оценки террора ленинской «Искрой» в целом (В. А. Твардовская. Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1969, стр. 217).

⁴⁶ В. И. Ленин. Резолюция летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 60.

⁴⁷ В. И. Ленин, Письмо Ф. Корячонеру. Полн. собр. соч., т. 49, стр. 312.

даря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз (после периода падения крепостного права, — Ш. Л.) изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддерживать борцов и оказывать настоящее давление на правительство».⁴⁸

Из этих формулировок В. И. Ленина иногда склонны делать вывод, что вся вторая революционная ситуация в России, так сказать, создана руками террористов-народовольцев. Однако было бы странно полагать, что Ленин действительно так понимал дело. Действия террористов вносили то или иное замешательство в ряды «справящих», они волновали, как отмечает в приведенной цитате Засулич, жаждавшее свободы общество, прежде всего, конечно, молодую его часть. Но, во-первых, у Ленина идет речь о всей борьбе революционеров — от тех, кто шел «в народ», до тех, кто затем бросился «в отчаянную схватку» за политическую свободу. Какая бы роль ни приписывалась вторым, они стояли «на плечах» первых, и без первых не было бы и последних. А, во-вторых, Ленину не могла не быть ясна вся в целом сложная, чреватая взрывом политическая обстановка конца 70-х годов, хотя по характеру стоявшей перед ним политической задачи — обличения дряблости либерализма — и даже по самим размерам статьи ему не пришлось заниматься в ней анализом полного комплекса причин, обусловивших политический кризис того времени.

А причин этих был целый ряд. Революционное движение беспокоило правительство и до русско-турецкой войны, которая сама — в надеждах и ожиданиях власти — должна была, между прочим, содействовать снижению его масштабов или вообще его преодолению. Но война сыграла обратную роль. Недаром еще в сентябре 1877 г. шеф жандармов Мезенцов высказывал одному из высших военных чинов «опасения свои, что каков бы ни был исход кампании, последствия оной отзовутся в России общим порицанием и неудовольствием против правительства».⁴⁹ Война многосторонне повлияла на обострение политического положения (мы не имеем здесь возможности раскрыть вполне эту тему).

Тяжелейшее положение крестьянской массы было очень усугублено войной. С другой стороны, в связи с войной

⁴⁸ В. И. Ленин. Гонители земства и Анкибалы либерализма, стр. 39.

⁴⁹ Из дневника князя А. М. Дондукова-Корсакова. «Старина и новизна», кн. 9, СПб., 1905, стр. 24.

в сильнейшей степени расширились слухи и толки о предстоящем переделе земель. Они приобрели такой размах, что вынудили правительство выступить со специальным объявлением-опровержением (циркуляр Макова летом 1879 г.). Оно не возымело желательного действия. К. Д. Кавелин позже писал: «Как известно, знаменитое циркулярное объявление бывшего министра внутренних дел вместо того, чтоб успокоить умы, только поддило масло в огонь».⁵⁰ В конечном счете именно крестьянский вопрос, антагонизм между крестьянами и помещиками (также помещичьим государством) и был наиболее глубокой социальной подосновой внутреннего кризиса.⁵¹ Этот конфликт находил одно из выражений и в немалом числе открытых крестьянских волнений, «беспорядков».

Рабочий вопрос перед крестьянским пока отступал на второй план. Все же весьма знаменательно для второй революционной ситуации в отличие от первой, что с ним уже нельзя было не считаться. В. И. Ленин, говоря в «Гонителях земства» о причинах, приведших к неукладу второго демократического подъема, отмечает: «... в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации...».⁵² То и другое бесспорно. Однако по сравнению с началом 60-х годов перемена была уже очень и очень заметной. В конце 70-х годов прокатилась значительная волна стачек, которая и Лениным отмечена. Существовали кружки передовых рабочих, из которых сложилась именно ко времени второй революционной ситуации организация «Северный союз русских рабочих», не оказавшаяся, правда, особенно прочной, но успевавшая смело провозгласить лозунги политической свободы. Голос рабочих внушительно звучал в политических процессах; они участвовали в деятельности революционных народников и народолюбцев.

Волнения среди студенчества столиц и провинциальных университетских центров почти не умолкали в конце 70-х и начале 80-х годов. По масштабам и упорству они отнюдь не уступали студенческому движению периода реформы.

⁵⁰ К. Кавелин. Крестьянский вопрос. «Вестник Европы», 1880, № 8, стр. 580.

⁵¹ А. И. Кошелев писал в статье «О нынешнем положении крестьян...», что «главный вопрос, составляющий основу и подкладку всех второстепенных задач, есть, конечно, вопрос об общем обеднении народа» (цит. по: «Слово», 1880, № 10, стр. 84). В следующем году известный публицист С. Приклонский писал в «Русской мысли» (1881, кн. V, 2-й отд., стр. 97): «Нужно спешить с облегчением положения крестьян, потому что они теперь дошли до последней крайности».

⁵² В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 44.

став снова существенным элементом общего возбуждения и подъема.

«Героическая „крамола“ 70-х и 80-х годов... встряхнула русское общество, за текущими заботами дня забывшее о великих, но неразрешенных исторических задачах устройства страны на началах свободы и законности», — писал «сам» Струве в 1903 г. на страницах своего «Освобождения».⁵³ Роль революционного движения в «пробуждении» либерального общества не подлежит сомнению, хотя были тут и некоторые другие факторы, и прежде всего война. О «критическом духе» к «существующим учреждениям» говорил, например, отчет Московского юридического общества как о «естественном последствии» войны (начало 1879 г.). Раньше, в феврале 1878 г., И. С. Тургенев писал редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу: «Как-то мы разделаемся с наследием войны — повсеместным тифом — и дождемся ли другого наследия: представительных учреждений и т. п.»⁵⁴

Не случайной является дата этого письма — 1878 год — год начала того общественного подъема, который, с теми либо другими колебаниями и зигзагами, продолжался несколько лет, достигнув апогея в 1880 и в начале 1881 г. Тогда же обозначилось и начало кризиса власти, тоже сильнее всего проявившегося в 1880--начале 1881 г.

Борьба революционно-демократической интеллигенции, само собой разумеется, во всем этом процессе занимает почетнейшее место. Но нельзя все к ней исключительно сводить. Вместе с тем нельзя забывать и того, что террор не был единственной формой и этой борьбы даже в период деятельности «Народной воли», а тем более до ее возникновения. Большую

⁵³ П. С. [Струве]. Лозунг времени. «Освобождение», 1903, № 10 (34), стр. 171.

⁵⁴ И. С. Тургенев, Письма, т. XII, кн. 1, М.—Л., 1966, стр. 290. Приведем, кстати, здесь же отрывок из тургеневского письма более позднего времени (накануне 1 марта) к Кавелину: «...пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясной, подробной и обстоятельной программой, чем мы отличимся и от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства. В „Стране“ Полонский (Л. А. Полонский — редактор либеральной газеты «Страна», — Ш. Л.)... уже наметил некоторые важнейшие пункты» (там же, т. XIII, кн. 1, Л., 1968, стр. 68). Полонский в одной из своих передовиц, между прочим, призывал власть отказаться от полуобещаний, полукослебаний, полусдерживаний (это было при Лорис-Меликове) и признать «обеспечение прав личности, призыв русского общества к участию в делах страны в форме всенародно-собираемой» («Страна», № 102, 1880, 28 декабря). (Это и были те «представительные учреждения», о коих к концу войны мечтал Тургенев).

роль играла подпольная революционная печать — землевольческая, потом народовольческая и чернопередельческая. Ряд уличных демонстраций (главным образом на протяжении 1878 г.) привлек к себе серьезное внимание и содействовал процессу «революционизации». Агитация и пропаганда, вооруженные сопротивления и насильственные попытки освобождения заключенных и т. д. — все это нельзя не учитывать. Революционизирующим фактором серьезного значения явились крупные и крупнейшие политические процессы, героическая борьба, которую вели на них обвиняемые и против суда непосредственно, и против стоявшего за судом самодержавного режима в целом.

Как ясно уже из самого названия известной ленинской статьи, в «Гонителях земства и Аннибалах либерализма» проблема русского либерализма в высокой степени интересовала автора. Это, в частности, относится к периоду второго демократического подъема.

Резко критикуя поведение либералов и в этот период, Ленин в то же время отмечает, что тогда «земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении».⁵⁵

Правда, не все те данные, на которые вынужден был в ту пору опираться Ленин, как и другие авторы начала XX в., впоследствии подтвердились. Так, попытка земцев создать в лице зарубежного «Вольного слова» собственный политический орган оказалась — в результате позднейших изысканий — фиктивной. Ленину приходилось черпать некоторые фактические сведения из опубликованной конфиденциальной записки С. Ю. Витте, в которой многие карты были преднамеренно спутаны. Фикцией оказалось и «Общество земского союза и самоуправления» с его программой, о котором толковалось в записке Витте.

Но относительные успехи земско-либерального движения, которые имел в виду В. И. Ленин, говоря о годах второго демократического подъема, в самом деле имели место. Действительно, «обнаружились явственно» в земстве и вообще в либеральных кругах «конституционные стремления», хотя, по справедливому ленинскому замечанию, они оказались в конечном итоге «бессильным „порывом“».⁵⁶ Состоялся весной 1879 г. в Москве первый земский съезд (фактически в нем принимали участие не одни земцы, но литераторы, ученые и т. д.),

⁵⁵ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 39.

⁵⁶ Там же. Надо оговорить и то, что, как и прежде, не все даже видные либералы были подлинными конституционалистами. Упорствовав в своем признании якобы преждевременности конституции К. Ка-

который отверг предложение об организации нелегальной конституционной партии, но высказался за развертывание агитации на местах и за периодичность подобных же съездов.

Ленин отметил либеральные заявления земств (Тверского, Черниговского и др.) в ответ на обращение правительства к «обществу» за помощью в борьбе против революционного движения. Ленин отметил и попытки некоторых земских деятелей (на Украине) побудить революционеров приостановить террористические действия, так как «нельзя ничего будет достигнуто мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (выдержка из брошюры Кеннана «Последнее заявление русских либералов», которая фигурировала в записке Витте). Это дало Ленину повод для язвительной критики либералов конца 70-х годов. «Итак, — писал он, — вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего патиска (в форме демонстрации, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же „тактичности“: „не раздражать“ правительство! добиваться „мирными средствами“, каковы мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-е годы!». Ленин с удовлетворением отмечал, что революционеры «ни на какое прекращение или приостановку военных действий» не пошли.⁵⁷

С политическим кризисом конца царствования Александра II неразрывно связана история так называемой «диктатуры сердца» — правления графа М. Т. Лорис-Меликова,

влиян. Еще в январе 1882 г. он писал Дмитрию Милютину, что, по его мнению, вопреки убеждению почти «всех», «не самодержавие, а органы и способы его действия окончательно отжили свой век и должны быть радикально реформированы, заменены совершенно иными» («Вестник Европы», 1909, кн. 1, стр. 9). 19 февраля 1880 г. он в письме к только что назначенному Лорис-Меликову, после сравнительно острой критики «недостойной правительственной среды, которой «Россия выдана головой», высказывал более чем скромное пожелание: «... пусть правительство на первый раз хоть восстановит во всей силе те права, которые были нам даны в нынешнее царствование, но по совету бесчестных и бесчестных людей отняты; пусть отменит все то, чем реформы искажены, обезображены, взяты назад или приведены в бездействие. Это будет немного и никого вполне не удовлетворит, но все же по крайней мере докажет, что верховная власть действительно намерена разорвать фатальную сеть, которой ее опутали, и решилась возвратиться на прежний путь» («Русская мысль», 1906, № 5, стр. 33—35). По существу это было очень похоже на кучку платформу большинства либералов в наступивший в 80-х годах период «контрреформ».

⁵⁷ В. И. Ленин. Говятели земства и Аппибалы либерализма, стр. 40.

сначала (с февраля до августа 1880 г.) как председателя «Верховной распорядительной комиссии», затем министра внутренних дел. В. И. Ленин внимательно останавливался на оценке этой «эпопеи», широко затронув и вопрос об отношении к ней русских либералов.

Ленин упоминает петицию группы «именитых московских граждан» Лорис-Меликову, имея в виду записку о внутреннем состоянии России, представленную в марте 1880 г. «диктатору», которая была составлена, как потом стало известно, будущим кадетским председателем I Государственной думы С. А. Муромцевым совместно с земским деятелем и публицистом В. Ю. Скалоном и профессором-экономистом А. И. Чупровым.⁵⁸

Сравнительно подробно В. И. Ленин освещал режим Лорис-Меликова, указывая, что его назначением правительство хотя делало уступку, но «по-видимому», так как «не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано».⁵⁹ Ленин говорит о жестокостях Лорис-Меликова в отношении революционных борцов. Он полностью поддерживает оценку режима Лорис-Меликова как политики одновременно «лисыего хвоста» и «волчьей пасти», о чем у нас была уже раньше речь в связи с Н. К. Михайловским, автором статьи в народновольтерском органе, где содержалась указанная оценка.⁶⁰

В. И. Ленин вскрывал близорукость либералов, которые не вяляли *правде* подпольного органа и «сочили помахивание „лисыим хвостом“ за „новый курс“, которому позволительно дове-

⁵⁸ Критикуя внутреннее положение, авторы приходили к выводу, что вывести Россию из «заколдованного круга» может лишь призыв «в особое самостоятельное собрание представителей земства кучастию в государственной жизни и деятельности, с прочным обеспечением прав личности на свободу мысли, слова и убеждения». Записка не могла быть опубликована в России и была издана в Берлине (анонимно) в 1881 г. (Сергей Муромцев. Статьи и речи. Вып. V. В области политики и публицистики. М., 1910, стр. 37).

⁵⁹ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 41.

⁶⁰ Отметим, что Михайловский довольно открыто критиковал Лорис-Меликова и в легальных «Отечественных записках». «Ах, господа, — писал он, — дело в сущности очень просто. Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий. Какие это будут гарантии — европейские, африканские, „что Литва, что Русь ли“ — не все ли это равно, лишь бы они были гарантиями?» (Н. К. Михайловский. Литературные заметки. «Отечественные записки», 1880, № 9, 2-й отд., стр. 140).

рится». ⁶¹ Он цитирует характерное признание, сделанное в зарубежном издании (В. Скалона): «Мнение земских собраний о современном положении России», согласно которому земство «верило и сочувствовало правительству, как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». «С какой-то недростительной наивностью, — по словам Ленина, — земцы воображали, что подавать петиции это значит „добиваться“...». ⁶²

В. И. Ленин подчеркивал, что и после убийства Александра II продолжалась та же бессильная линия либералов. Либеральное общество и либеральная печать и тогда ограничились «одними ходатайствами». Он касается сугубо хитросплетенных и благонамеренных докладных записок Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского, ⁶³ которые выдумывали (Ленин здесь цитирует брошюру старого народника Ф. В. Волковского 90-х годов «Чему учит „конституция гр. Лорис-Меликова“», изданную в Лондоне) попытки «перевести монарха через заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил». Без революционной силы, — настаивал Ленин, — все «осторожные ходатайства» и

⁶¹ Находились, правда, скептики среди лучших и относительно более прозорливых либералов. И. С. Тургенев писал Н. В. Чайковскому в ноябре 1880 г.: «Я никогда не читал особенных иллюзий насчет упоминаемого Вами лица; я полагаю и до сих пор полагаю, что надо пользоваться отепелью, пока опять не завернул мороз» (И. С. Тургенев, Письма, т. XII, кн. 2, Л., 1967, стр. 317). Под «лицом», конечно, разумелся Лорис-Меликов.

⁶² В. И. Ленин, Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 42.

⁶³ Профессор-юрист и публицист А. Д. Градовский, умереннейший либерал, был лично связан с Лорис-Меликовым. Его даже называли одним из авторов пресловутой лорис-меликовской «конституции». И. Ф. Цион в книжке «Как установить в России правовой государственный строй?», посвященной памяти архиреакционера М. Н. Каткова (Париж—Лейпциг, 1905), писал: «Три светила чиновного либерализма, генерал Лорис-Меликов, профессор государственного права Градовский и сенатор Б. (Безобразов? — Ш. Л.), состряпали уродливую нелепость, известную под именем Меликовской конституции... едва ли даже обитатели Сандвичевых островов нашли бы в их жиденьком проекте конституции удовлетворение своим культурным потребностям» (стр. IX; в нашей литературе распространено мнение о близком участии в подготовке лорис-меликовского плана видного бюрократического деятеля М. С. Каханова). В «Кратком очерке жизни и деятельности А. Д. Градовского» (СПб., 1904) о записке Градовского, упоминаемой В. И. Лениным, говорится, что в ней речь «идет не об ограничении власти, ни даже о самоограничении ее, а об избрании ею новых способов управления, о создании по свободному ее почину новых форм государственной жизни, имеющих целью не связать ее, а, напротив, вооружить более совершенными средствами в ее заботах об интересах страны» (стр. LXXXIII). Что же касается чичеринской записки, также упоминаемой в статье В. И. Ленина, то она подала повод Максиму

«хитроумные выдумки» оказались, разумеется, нолеи и в начале царствования Александра III «партия самодержавия» победила, «волна революционного прибою была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого... сменилось *реакцией*»; это произошло второй раз после освобождения крестьян.⁶⁴

По поводу проекта Лорис-Меликова, представленного им Александру II незадолго до убийства царя народовольцами (именно в конце января 1881 г.), проекта, который часто именовали «конституцией» Лорис-Меликова, хотя это был, даже по признанию позднейших либералов, документ «беспримерный во всей конституционной истории по отсутствию... собственно конституционных элементов», В. И. Ленин писал в «Гонителях земства», что все-таки его осуществление «могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым». Все зависело, подчеркивал Ленин, «от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия». «Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов».⁶⁵

Пересилили крайние реакционеры во главе с Победоносцевым, Катковым и др. В. И. Ленин разъяснял причины их победы. Массовое движение было еще слишком слабым. Ленин, как указано, отмечал отсутствие широкого рабочего движения и твердой организации в рабочем классе. Никакой организации, как известно, не было в крестьянстве, распыленном, зараженном в сильной степени царистскими иллюзиями (об этом Ленин писал многократно, когда касался крестьянского движения и в период реформы, и в пореформенное время). Свою «политическую незрелость» и неспособность «оказать настоящее давление на правительство» снова проявило «либеральное

Ковалевскому назвать Чичерина «лжелибералом», поскольку он, например, порицал в ней печать за «честное высказывание» после 1 марта «своих взглядов на необходимость созвать народное представительство» (см.: Конституция графа Лорис-Меликова и его частные письма. Лондон—СПб., 6. г., стр. 33; брошюра вышла в Лондоне, впоследствии в Петербурге без имени автора).

⁶⁴ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 45.

⁶⁵ Там же, стр. 43.

общество».⁶⁶ Что же касается революционно-демократического лагеря, то он был обескровлен настойчивой террористической деятельностью, преследовавшей цель убить Александра II. В. И. Ленин об этом написал в статье «Гонители земства и Анибалы либерализма» — «революционеры исчерпали себя 1-ым марта».⁶⁷ Эта, очень широко вошедшая в научный оборот ленинская формула, не означает, конечно, что народовольцы (под революционерами Ленин понимал тут именно их, организаторов акта 1 марта 1881 г.) тогда же прекратили свою деятельность. «Народная воля» продолжала довольно долго борьбу за свое существование; даже ее центр, Исполнительный комитет, хотя и понесший невероятно тяжелые потери, утративший незадолго до 1 марта и сразу после покушения подавляющее большинство своих лучших руководителей, держался еще некоторое время в самой России, а потом его остатки действовали за рубежом. Не раз предпринимались попытки возродить в России центральную организацию «Народной воли». При всем том формула Ленина, правильно понимаемая, остается вполне обоснованной. Сила «Народной воли» была резко подорвана, хотя ее собственные представители, а частью и «публика», далеко не сразу этот факт осознали. Термин «агония „Народной воли“», употребляемый в исторической литературе для обозначения послемартовского периода ее истории, — этот термин имеет свои серьезные основания, он правомерен.⁶⁸

Остается подчеркнуть, что, несмотря на поражение второго демократического подъема, он занял в истории России важное место. Как метко сказала когда-то М. В. Нечкина, он лежит на полпути между падением крепостного права и первой русской революцией. Возбуждение конца 70-х — начала 80-х годов, хотя

⁶⁶ В начале 90-х годов «народоуправцы», о которых не раз писал В. И. Ленин, в своей программной брошюре «Насущный вопрос» утверждали, что не ошибка революционеров и не косность народной мысли вызвали поражение в начале 80-х годов, а холопство, отсутствие гражданского мужества и политическая незрелость тогдашнего русского (подразумевалось: либерального) общества. Несколько шире, но и «снисходительно» по отношению к либералам ставил вопрос (в 1914 г.) по поводу десятилетия со дня смерти Михайловского один из его последователей, современник и участник событий Н. Русаков, когда говорил о незрелости общественных отношений, отсутствии инициативы в народе, «недостаточном политическом образовании» (конечно, дело было ничуть не в «образовании!») общества, которые обеспечили торжество «бюрократического строя», т. е. самодержавия («Голос минувшего», 1914, № 2, стр. 23).

⁶⁷ В. И. Ленин. Гонители земства и Анибалы либерализма, стр. 44.

⁶⁸ Второй революционной ситуацией в последние годы были посвящены две монографии: М. И. Хейфеца «Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX века). Кризис

и сменившееся временно реакцией (не только правительственной, но и общественной), внесло свою крупную лепту в складывание освободительных традиций. Революционные события тех лет не были забыты, их смысл долго обдумывался в демократических кругах. Произошла серьезная проверка идейных течений, методов борьбы, был дан толчок работе мысли. Зарождение русской социал-демократии, обязанное ряду исторических условий, находится в определенной связи со второй революционной ситуацией, ее драматическими конфликтами, ее разносторонним и поучительным опытом.

правительственной политики» (М., 1963) и П. А. Зайончковского «Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1964).

О «Народной воле» существует значительная дореволюционная литература — марксистская, народническая, либеральная, официально-охранительная. До сих пор не потеряла значения, при всех очень крупных недостатках, книга В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века. Партия „Народная воля“, ее происхождение, судьбы и гибель» (М., 1912). В советской литературе 20—30-х годов отметим работы В. И. Невского, И. А. Теодоровича, Е. М. Ярославского, И. Л. Татарова, Вл. Малаховского и др.; имеется полубиблиографическая книга народника Е. Е. Колосова (под псевдонимом «Дмитрий Кузьмин») «Народовольческая журналистика» (М., 1930). Опубликовано множество народовольческих мемуаров, перепечатана часть народовольческих изданий.

За последние годы, кроме ряда статей о «Народной воле» и отдельных работ биографического плана, появились монографии о «Народной воле» С. С. Волка «Народная воля. 1879—1882». (М.—Л., 1966), М. Г. Седова «Героический период революционного народничества» (М., 1966), В. А. Твардовской «Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х годов» (М., 1969). Из них книга С. С. Волка носит наиболее обобщающий характер, охватывая и организационную историю «Народной воли», историю основных отраслей ее практической деятельности, и идеологию народовольчества; освещен вопрос об отношении к «Народной воле» К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Книга М. Г. Седова, в ряде отношений весьма спорная, особое внимание сосредоточивает на фактической истории народовольчества. Напротив, монография В. А. Твардовской посвящена по существу исключительно идеологии «Народной воли» (именно «Народной воле», несмотря на заглавие, обещающее читателю характеристику всех течений и оттенков русской революционной мысли изучаемого периода). Усиленный интерес В. А. Твардовской к идейным позициям народовольцев заслуживает серьезного внимания, как и заметное стремление автора «сохранить «равновесие», объективность в освещении и сильных, и слабых сторон «Народной воли». Последнее, впрочем, удается автору отнюдь не всегда — не раз проявляется завышенная оценка уровня народовольческой мысли, народовольческого вклада в поиски правильной революционной теории, что фактически оборачивается (правда, далеко не в такой степени, как в книге М. Г. Седова) известной недооценкой предыдущих этапов революционного движения.